Горький водопад

Автор:
Рейчел Кейн

Горький водопад

Рейчел Кейн

Бестселлер AmazonМёртвое озеро #4

Не оглядываясь на прошлое, до сих пор преследующее Гвен Проктор, она пытается двигаться вперед. Теперь Гвен – частный детектив, занимающийся тем, что у нее получается лучше всего, – решением чужих проблем. Но вот ей поручают дело, к которому она поначалу не знает, как подступиться. Три года назад в Теннесси бесследно исчез молодой человек. Зацепок почти не осталось. За исключением одной, почти безнадежной. Незадолго до своего исчезновения этот парень говорил, что хочет помочь одной очень набожной девушке… Гвен всегда готова ко всему – она привыкла спать чутко, а оружие постоянно держать под рукой. Но пока ей невдомек, насколько тесно это расследование окажется связано с ее предыдущей жизнью. И с жизнью людей, которых она так любит…

Рейчел Кейн

Горький водопад

Rachel Caine

BITTER FALLS

Text copyright © 2019 by Rachel Caine, LLC. This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency

Cover Designer: Shasti O’Leary Soudant

© Смирнова М.В., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Пролог

Когда его вытащили из темницы, еще только-только наступало утро.

Он всю ночь простоял на коленях, дрожа от холода в белой сорочке, которую его заставили надеть. Несколько раз засыпал, но его будили, ткнув в бок стволом винтовки, и он продолжал свое бдение.

Все тело болело – практически так же, как болело всегда от тяжелой работы. Когда-то он был сильным и выносливым, а превратился… вот в это. Он видел узлы суставов на своих запястьях и пальцах. Ключицы выступали настолько сильно и остро, что могли бы, наверное, прорезать бумагу. Сегодня ему не дали даже обычной для этого времени суток горсточки риса. И воды тоже не дали.

«Это пост», – сказали ему, однако кто же будет поститься, если уже почти умирает с голода? Просто голод станет еще сильнее.

Он пытался не думать о еде. О том, как когда-то даже не волновался о времени следующей трапезы, обо всех бургерах, пиццах и сэндвичах, которые мог съесть в любое время дня и ночи. Картошка фри и пиво. Все то время сейчас казалось ему смутной грезой. Учеба. Девушки. Вечеринки. Европейский футбол и диско-гольф, и посиделки в баре – последние посиделки, когда бар был битком набит его друзьями… Скучали ли они по нему? Заметили ли вообще его исчезновение?..

Боже, как же он сейчас хотел есть и спать!

А потом за ним пришли.

Шестеро мужчин были лишь тенями во тьме, но он знал, что у них есть дубинки и огнестрельное оружие – как обычно. Его вздернули на ноги, которых он уже даже не чувствовал, и заставили его топать, пока онемение не ушло. Это было так больно, что у него перехватило дыхание. Все казалось каким-то нереальным. «Это происходит не со мной. У меня есть своя жизнь. У меня есть семья. Я не могу быть здесь».

Его вывели из тесной будки, где он провел ночь. В небе, полускрытом кронами деревьев, брезжил слабый намек на рассвет, но вокруг все еще было так темно, что узник почти не видел землю, по которой ковылял, спотыкаясь. Музыка поднималась в воздух, словно туман. Весь клятый лагерь пел. Узнику этот гимн не был знаком: он воспитывался в католической традиции, и сейчас ему отчаянно хотелось молиться. Он не молился ночью, хотя ему приказывали это делать. «Боже, помоги мне, пожалуйста. Прошу тебя».

Камни на тропе глубоко резали его босые ступни, позади оставался кровавый след, но его тащили дальше, несмотря ни на что. Вниз по склону. Справа тянулась сплошная металлическая ограда, невероятно высокая и безликая. Крепкая стена, отгораживавшая лагерь от внешнего мира. Когда-то, когда он был совсем другим человеком, он думал, что сможет перелезть через эту стену. Шрамы от той попытки остались у него до сих пор.

«Может быть, они отпустят меня», – думал он. В глубине души он знал, что это неправда. Но не хотел этого знать, поэтому продолжил ковылять дальше, молясь и надеясь. Песня множества голосов затихала позади. Остались только он и верные с оружием в руках и молчанием на устах. Узник слышал только свое дыхание, хрипом отдающееся в его костлявой груди.

Деревья заслоняли слабый свет. Казалось, его ведут к могиле, и ему хотелось кричать, бежать, бороться, сделать хоть что-нибудь, потому что, черт побери, он был человеком, когда-то он был сильным, уверенным и бесстрашным, правда?

Он не побежал.

Лучше уйти тихо.

Холод был болезненным, словно укусы острых ледяных зубов. На узнике была только тонкая сорочка, и его руки и ноги снова начали неметь. Хвойный запах деревьев, наверное, должен был успокаивать, напоминая о рождественской елке, но узник ощущал лишь едкий запах собственного пота и страха. Во рту было сухо, словно туда напихали ватных подушечек. «Может быть, это мне снится, – думал он. – Может быть, все это сон, может быть, я напился в “Таверне Чарли” и проснусь в комнате общежития рядом с Брай, и все это окажется просто дурацким кошмаром…»

Брай. Его девушка. Он гадал, что она сейчас делает. Тосковала ли она по нему вообще?

Он подумал о своих родителях и о том, что они, должно быть, искали его – и ищут до сих пор…

Это было больно.

Он вышел из-под сени деревьев и остановился, глядя прямо перед собой. По воде небольшого озера бежала холодная рябь, рассвет окрашивал ее розовым. А еще там был водопад… он с ревом низвергался со скал вверху и разбивался в белую невесомую водяную пыль, парящую в воздухе. В этом облаке брызг танцевала едва заметная радуга.

Здесь, казалось, было теплее. И спокойнее.

Патер Том ждал у берега озера. Он был облачен в белую рубашку и белые брюки, его седые волосы отливали такой же белизной. Старческие волосы, старческое лицо, молодые темные глаза, которые, казалось, ведали все тайны Вселенной. Глаза святого, как любили говорить в Собрании.

Патер Том был долбаным безумцем.

– Брат, – произнес патер Том. – Добро пожаловать. Ты долго и плодотворно трудился, и, хотя пришел к нам как чужак, ты оставишь нас, навеки став частью нашей семьи. Сегодня ты будешь крещен и войдешь в Собрание, и куда бы ни пошел, ты всегда будешь одним из нас. Твоя прежняя жизнь ушла. Да начнется твоя новая жизнь!

– Новая жизнь, – произнес кто-то рядом, и остальные пробормотали то же самое. Узник стоял в оцепенении, ничего не понимая. Значит ли это, что его просто отпустят? Может ли такое случиться?

«Да, да, отпустите меня, чокнутые ублюдки! Отпустите меня, и я прямиком побегу к копам, и вы окажетесь в тюрьме так быстро, что даже Бог не будет знать, где вас искать!»

Так сказал бы тот человек, которым он когда-то был, сильный молодой человек, который боролся бы, кричал бы, верил бы, что может сделать что угодно. Пережить что угодно.

Но человек, которым он стал теперь, лишь дрожал, как ягненок на бойне. Он не мог заставить себя снова стать тем человеком.

Может быть, если он повинуется, в конце концов они его просто отпустят… И, может быть, если все же уйдет отсюда, он никогда не скажет ни слова о том, что с ним случилось…

Он вместе с патером Томом вошел в воду по пояс. Он видел, что неподалеку начинается подводный обрыв, темно-синяя дыра, проделанная водой за века неустанного падения. Кто знает, насколько велика там глубина? Он стоял прямо на краю бездны. Было так холодно, что онемение прогнало из его тела даже способность дрожать. Так холодно, что вода начала казаться теплой.

Патер Том улыбнулся ему так, словно вообще не чувствовал холода, и сказал:

– Веришь ли ты в могущество Господа нашего Иисуса Христа и Отца Его небесного?

Он только кивнул – как будто шею свело судорогой. Это было больно. Ему ужасно хотелось спать.

– Тогда омойся в крови Агнца и возродись очищенным. Тебе пришлось потрудиться, чтобы обрести веру, но это позади. Отныне ты – святой Собрания.

Он не был готов к тому, что патер Том окунет его в воду; это было проделано быстро и умело, словно патер делал это тысячу раз. Узник сопротивлялся, но Том удерживал его под водой в течение нескольких долгих секунд, прежде чем позволил снова вынырнуть в наполненный туманом утренний воздух.

Узнику хотелось кричать от холода и потрясения, но его охватило неимоверное облегчение. Он сделал это. Он выжил.

Он обратил лицо к восходящему солнцу и сделал глубокий судорожный вдох. «Я жив! Я жив! Я выберусь отсюда!»

– Господь с тобой, брат, – сказал патер Том. – Твое служение принесет нам спасение.

Узник не видел, как они подошли, но сейчас рядом с ним в воде стояли еще два человека, и он осознал, что что-то не так. Он попытался направиться к берегу. Но один из них схватил его за плечи, а второй склонился, уйдя под воду.

Узник почувствовал, что что-то сдавливает его тело, но не понимал, что это, пока не погрузил руки в воду.

Это была толстая длинная цепь, туго обвившая его талию, и патер Том защелкнул висячий замок, скреплявший ее.

Мужчины отпустили узника и отошли назад.

«Ты сказал, что отпустишь меня, что я начну новую жизнь!» – завывал голос в глубине его сознания. Узник стиснул зубы, ощущая прилив черного отчаяния от осознания того, что его ждет.

– Да благословит тебя Бог, святой! – произнес патер Том и столкнул его с края бездны.

Последнее, что увидел узник, – это тяжелый железный груз на конце цепи, увлекающий его вниз, и слабые проблески рассвета в воде наверху.

«Так холодно…»

Он ощутил, что опускается на дно среди белеющих костей. Легкие болели и пульсировали, и он внезапно вспомнил, как ребенком просыпался от кошмаров. Последнее, что пронеслось в его памяти – самое последнее, – это шепот матери: «Тише, малыш. Теперь все хорошо».

1. Гвен

Когда звонит мой личный телефон, я проверяю, от кого звонок. Укоренившаяся привычка. На этот номер я принимаю звонки только от шести человек. Конечно же, это Сэм Кейд. Маленький пузырек тепла лопается у меня внутри, когда я нажимаю кнопку и подношу телефон к уху.

– Привет, незнакомец, – говорю я, слыша мурлыкающие нотки в своем голосе.

– И тебе привет, – отвечает он с такой же хрипотцой. О, этот подтекст. Так сексуально! – Как дела?

– В данный момент? Совершенно никак, – говорю я и зеваю. Сейчас половина четвертого утра, и я уже три часа сижу в этой выстывшей машине, взятой напрокат, – если не считать короткой вылазки в соседний магазин, чтобы сходить в туалет и купить огромную порцию кофе, о которой я еще пожалею. – Я жду, чтобы этот тип начал действовать.

– Действовать как?

– Хороший вопрос.

– Ты не хочешь мне говорить? – В его тоне слышится удивленная усмешка.

– Ну, ты понимаешь, пока я не буду знать точно… Кстати, а что же ты не спишь в такой поздний час? Или ранний? Какой вариант правильный?

– Ранний. Мне нужно подготовить кое-какие бумаги на день, – отвечает Сэм. – Кстати, дети всё еще крепко спят. Я проверял.

Мои дети – моя жизнь, и он знает это. А еще Сэм хорошо знает, что он один из весьма немногих людей, кому я доверяю своих детей. Моя дочь, Ланни, в том сложном возрасте шестнадцати лет, которые ощущаются ею самой как двадцать. Мой сын, Коннор, слишком взрослый и одновременно слишком юный для своих тринадцати лет. Мои дети – не самые простые в общении люди.

И у них нет причины быть простыми. Они уже половину жизни несут тяжкое знание о том, что их отец был маньяком-убийцей, и не менее тяжкую ношу несправедливой людской ненависти – просто потому, что они его дети. Я хочу защитить их от всего мира. Конечно, я не могу этого сделать, но все еще хочу попытаться.

– Ты приедешь домой к шести? – спрашивает меня Сэм, и я вздыхаю. – Ладно, вполне честно. Ты хочешь, чтобы я перед уходом разбудил Ланни?

– Да, лучше включи это в свои планы. Мне не верится, что она встанет по будильнику и разбудит Коннора. Я напишу тебе сообщение, когда буду выезжать. – Мне хотелось бы дать моим детям поспать подольше. Им нужно вставать в семь, но для подростка лишний час сна – все равно что десять часов для меня.

Никто из них не захочет просыпаться, и еще меньше они захотят идти в школу, но они привыкли сталкиваться с неприятными ситуациями. Я наотрез отказалась переводить их на домашнее обучение. Их жизнь будет невероятно трудной, учитывая прошлое нашей семьи. Я хочу, чтобы они уже сейчас научились, как с этим справляться, а не жили, укутанные в вату, до восемнадцати лет, словно ценные фарфоровые куколки.

Вокруг водятся монстры.

Психотерапия несколько помогла нам всем. Я на несколько месяцев записала детей на индивидуальную терапию, потом на совместную, а мы с Сэмом посещали другого терапевта – как пара. Теперь мы раз в две недели ходим все вместе на семейные сеансы, и я осмеливаюсь думать, что все становится… лучше.

Если б еще не тот факт, что сам город ополчился против нас.

Я не совсем уверена, что именно заставило обитателей Нортона категорически невзлюбить нас. Может быть, причиной тому ненамеренная, но затяжная война Сэма с бандой влиятельных жителей окрестных холмов, промышляющих наркодилерством. Отчасти виновата я – потому что согласилась на то проклятое телеинтервью. Обстановка чрезвычайно накалилась.

Это побудило некоторые СМИ еще сильнее взбаламутить стоячие воды Стиллхауз-Лейк. Мне казалось, что я делаю хорошее дело, но в итоге я словно высыпала на себя контейнер с мусором, лежавшим там десять лет.

Интернет-тролли возобновили свои нападения – неустанно и зловеще-радостно, как обычно. Мне всегда было трудно понять, что они получают от попыток разрушить мою жизнь, но надо отдать им должное: они очень настойчивы. Недавно я нашла на одном форуме сообщение, в котором говорилось, что их цель – заставить моих детей совершить самоубийство в прямом эфире, перед камерой. Это просто зашкаливающий уровень социопатии, однако сомнений нет: такое тоже существует. И, как ни тревожно, это не редкость.

Это те, с кем нам приходится иметь дело ежедневно. Не хочу называть их монстрами: они просто скучающие, злые, лишенные эмпатии люди, которые просто избрали меня мишенью для своей злобы. В конце концов, я была замужем за Мэлвином Ройялом, известным серийным убийцей. Он убивал женщин ради забавы, так что, должно быть, я тоже каким-то образом за это в ответе. Нет, рой вездесущих троллей – не монстры. Я знаю монстров. Я сталкивалась с ними непосредственно – в том числе и с Мэлвином.

Я убиваю монстров. И пусть лучше они имеют это в виду.

Я разговариваю с Сэмом примерно полчаса, наслаждаясь теплом и уютом и загоняя поглубже отчаянную потребность побыть с ним – но мы оба знаем, что сейчас это невозможно. Из-за того, что косные жители Нортона по большей части отвернулись от нас, Сэма больше не нанимают на строительные работы, и ему приходится ездить на заработки все дальше. И чем дольше поездки, тем меньше времени он бывает дома.

Я работаю на иногороднее детективное агентство, которое дает мне разнообразные задания в пределах той дальности езды, которую я обозначила сама. Я могу отказаться от того, с чем не в состоянии справиться или что мне не

по душе. Но платят там хорошо, и я честно выполняю свою работу.

Сейчас мое внимание полностью отдано весьма богатому генеральному директору по имени Грег Кингстон. Этот заказ поступил к нам от совета директоров его компании, которые были озабочены тем, что сочли странным поведением и обескураживающими финансовыми результатами. Я уже обнаружила растраты в его флоридской пиар-фирме, и повсюду там оставлены его цифровые «следы». Это было достаточно несложно; информация уйдет совету директоров, и пусть сами решают, что с ней делать. Вероятно, дни Кингстона в качестве главы компании сочтены.

Но в процессе выслеживания мистера Кингстона я обнаружила кое-что, встревожившее меня намного сильнее. Я еще не уверена, что это такое, вот почему я ничего не сказала Сэму. На данный момент это просто намеки, инстинкт и один важный вопрос.

Почему вообще такой человек, как Грег Кингстон, с огромным банковским счетом и высоким положением в обществе, остановился в захолустном мотеле в маргинальном районе Ноксвилла, в то время как на него одновременно зарезервирован номер в шикарном отеле «Теннесси»?

Есть несколько причин, по которым люди, подобные Кингстону, останавливаются в таких местах: съем проститутки, покупка наркотиков или кое-что похуже того и другого. Я искренне надеюсь, что он просто предпочитает услуги секс-работниц из нижних районов города.

Однако куда вероятнее совсем другое.

Я смотрю, как возле мотеля останавливается неприметная машина темного цвета. Из нее вылезает белый мужчина неряшливого вида. На нем джинсы, мешковатая куртка, козырек бейсболки низко надвинут на лицо. Сумки при нем нет, так что если он наркоторговец, то может пронести лишь то, что поместится в карманы. Сомневаюсь, что человек с таким раздутым эго, как у Кингстона, остановился бы здесь ради крошечного пакетика вещества.

Когда мужчина открывает заднюю дверцу машины, я понимаю, что он привез кое-что другое.

Этой девочке не больше двенадцати лет, и во рту у меня пересыхает. Мое сердце начинает колотиться чаще. Я заставляю себя сохранять спокойствие и сделать как можно больше фотографий. Номер машины. Другие детали. Как можно более отчетливые снимки девочки. Она одета в синее платьице, рассчитанное на более юный возраст, а от пустого, покорного выражения ее лица мне хочется кричать.

Я делаю абсолютно отчетливый снимок ухмылки Грега Кингстона, когда тот открывает дверь номера и пожимает руку неряшливому мужчине. Потом вводит девочку и мужчину в номер и закрывает дверь.

Руки у меня трясутся, когда я бросаю фотоаппарат и набираю 911. Как можно более спокойно сообщаю о том, что видела, и говорю, что несовершеннолетняя девочка в данный момент подвергается серьезной опасности, возможно, даже насилию. Если я не права и Грег Кингстон, скажем, почему-то решил остановиться в этом мотеле, чтобы встретиться со своим кузеном и племянницей, то я попала.

Но я знаю, что права. Я наблюдала, как девочку в прямом смысле продают, и мне требуется весь мой самоконтроль до последней капли, чтобы сидеть и ждать прибытия полиции, а не ворваться в номер, дабы избить обоих негодяев до потери сознания и забрать девочку в безопасное место.

Ждать приходится недолго, меньше пяти минут, но мне они кажутся вечностью. Я с облегчением вижу, как патрульная машина медленно, тихо въезжает на парковку. Выйдя из своего автомобиля, я беседую с двумя полицейскими в форме. Они относятся к моим словам серьезно, особенно увидев снимки на моем фотоаппарате. Дрожа от напряжения, я прислоняюсь к машине, а они стучат в дверь номера мотеля.

Всё заканчивается быстро. Того, что они находят в номере, достаточно, чтобы живо надеть на Кингстона и его мешковатого дружка наручники. Когда девочка выходит наружу, она закутана в одеяло. Ее пустое, застывшее выражение лица сменилось чем-то похожим на настоящие эмоции.

Похожим на зарождение надежды.

Сверкая маячками, подъезжает машина «Скорой помощи», за ней на стоянку вклинивается автомобиль детектива. Постояльцы маленького мотеля, выстроенного в форме буквы L, стараются незаметно покинуть свои номера. Никто не хочет оказаться замешанным в это дело.

Кингстон, похоже, убийственно зол. Мне казалось, что он должен выглядеть куда более испуганным, поэтому я звоню в местную газету и на пару новостных радиостанций. Им понравится эта история, особенно если они смогут заснять могущественного Грега Кингстона в одних трусах-боксерах и черных носках. Он выглядит тощим и бледным и очень уязвимым. Идеальное фото для первой страницы.

Два детектива наконец-то подходят ко мне. Я протягиваю им свою визитку и объясняю, что я здесь делаю. Мой фотоаппарат подключен к Интернету, так что я напрямую сбрасываю им фотографии. Потом пересылаю со своего телефона расплывчатые сообщения с одного форума, приведшие меня к этому мотелю. Все они зашифрованы, однако их оказалось достаточно, чтобы насторожить меня. И я вижу, что детективы тоже это понимают, судя по тому, как они переглядываются.

Я даю им показания. Обещаю приехать на дополнительный опрос, если понадобится. Один из них явно не опознаёт моего имени – я всегда подмечаю такие вещи, – но он просто записывает его вместе с остальными моими контактами и отходит.

Его напарница задерживается, глядя на меня. По выражению ее лица я вижу, что она в курсе. Я инстинктивно подбираюсь, готовясь к насмешке, недоверию, резкости.

Но она говорит:

– Я рада, что вы справились с тем, с чем вам пришлось столкнуться, мисс Проктор. Это наверняка было нелегко. У вас всё в порядке?

Я удивлена. Настолько удивлена, что даже не знаю, что сказать, поэтому просто… киваю. Горло перехватывает, так что я даже не пытаюсь поблагодарить ее. Наверное, она все равно это видит, потому что улыбается и отходит в сторону.

Сейчас я тоже чувствую себя странно уязвимой. Я всегда готова к борьбе. Но не к такому.

Сажусь обратно в машину и сообщаю Сэму, что еду домой. Ехать мне добрых полтора часа, даже без пробок, но у нас будет некоторое время, чтобы побыть вместе, насладиться покоем.

Мне почти никогда не везет, и сегодняшний день – не исключение. Я вхожу в дом, отключив и снова включив сигнализацию. Коннор уже встал и сидит за кухонным столом, отщипывая от тоста крошечные кусочки. В тринадцать лет он достиг «скачка роста», и это застало меня врасплох. Парень раздался в плечах и в груди и постепенно набирает рост.

Но сегодня он выглядит плоховато. Ссутуленные плечи, тусклые, мрачные глаза. Сэм стоит у плиты, жарит яичницу. Он посылает мне теплую короткую улыбку и пожимает плечами: сообщения получены и приняты к сведению. Сэму под сорок, он немного старше меня. Среднего роста, среднего сложения, волосы цвета песка. Симпатичное лицо с правильными чертами, которое каким-то образом способно выглядеть как старше, так и моложе подлинного возраста, в зависимости от освещения и настроения самого Сэма.

И я искренне люблю его. Это все еще чертовски удивляет меня: какое право я имею любить такого надежного, такого доброго мужчину? И почему он тоже любит меня? Это загадка, которую мне вряд ли удастся разгадать.

– Привет, сынок, – говорю я и целую Коннора в макушку. Он почти не реагирует. – Что не так?

Коннор не отвечает. Выглядит он похожим на зомби – отчасти из-за раннего пробуждения, отчасти из-за чего-то еще. Сэм отвечает вместо него:

– Он говорит, что проснулся с тошнотой.

– С тошнотой? – переспрашиваю я и опускаюсь на стул рядом с сыном. – Снова желудок?

Коннор кивает и откусывает крошечный кусочек тоста. Под глазами у него темные круги, а волосы пора подстричь. Я все никак не соберусь свозить его в парикмахерскую, и сейчас до меня доходит, что выглядит он несколько запущенно. На нем его любимый вытертый свитер, который я просила выбросить, и потертые синие джинсы. Добавить лохматые волосы и измученный взгляд… Если посадить его на углу с табличкой «Работаю за еду», он наверняка насшибает неплохую милостыню.

– Ты не хочешь идти в школу? – спрашиваю я и получаю еще одно безмолвное подтверждение. – Тогда, может быть, к врачу? – На этот раз жест отрицательный. Я прижимаю тыльную сторону руки к его лбу. Температуры нет. – Сынок, извини, но ты же понимаешь, что тебе нужно либо к доктору, либо в школу. Я не могу разрешить тебе просто остаться дома. Ты и так уже пропустил много дней.

Он бросает на меня горький взгляд, но по-прежнему ничего не говорит, только роняет тост и уходит обратно в свою комнату. Я смотрю на Сэма, тот вскидывает руку, словно говоря «не знаю».

– Если уж гадать, я предположил бы, что его обижают.

– Коннор уже не первый год с этим сталкивается.

– Но вдобавок он переезжал из города в город и мог надеяться, что все обидчики останутся на старом месте. Однако теперь переезда не предвидится, и он не видит, когда все это закончится. Я могу ошибаться, но…

– Но ты, вероятно, прав, – вздыхаю я. – Ладно. Оставишь мне немного яичницы?

– С сыром и кусочками бекона. Принято.

Я стучусь в комнату Коннора, потом открываю дверь. Он сидит на краю постели и смотрит в пол, держа в руках носки, которые так и не надел. Я переступаю порог, Коннор не проявляет недовольства, и я закрываю дверь за собой.

– Сэм считает, что дело в школьной травле, – говорю я. – Он прав?

Медленный кивок.

– Ты можешь поговорить об этом со мной?

Я не уверена, что он заговорит, но когда в конце концов открывает рот, голос у него такой измученный, что мне почти физически больно.

– Просто мне… это тяжело.

Коннор прав. Я каждый день получаю угрозы и оскорбления по электронной почте. В соцсетях. Иногда даже на наш почтовый адрес приходят бумажные письма. Но все эти люди, по крайней мере, находятся на расстоянии от нас.

Коннору приходится сталкиваться со своими обидчиками лицом к лицу. Каждый день. И он никуда не может от этого деться.

Я чувствую оглушительный прилив ярости, бессильного гнева, от которого в висках начинает неистово биться пульс. Как бы сильно ни хотела защитить сына от этой боли, я почти ничего не могу сделать. «Держись своего решения. Он должен научиться тому, как справляться с этим, прежде чем станет взрослым». Если баюкать его в объятиях и защищать от всего мира, он не обзаведется той броней, которая ему так нужна.

Если научить его защищаться… это обеспечит ему безопасность, когда меня не будет рядом.

– Милый, я понимаю. Мне очень жаль. Я могу поговорить с директором, чтобы он знал, что их нужно сдерживать…

Коннор уже мотает головой.

– Мама, нет. Если ты что-то сделаешь, будет только хуже.

Я делаю глубокий вдох.

– Так что же, по-твоему, мне делать?

– Ничего, – отвечает он. – Так же, как… – Сын не заканчивает фразу, голос его прерывается, но я знаю, что он собирался сказать. «Так же, как всегда». Должно быть, так оно и выглядит. Несмотря на то что он знает, сколько сил и времени я прилагаю к тому, чтобы защитить их. Это больно, но я это переживу. – Всё будет нормально.

– Я могу записать тебя на дополнительный сеанс к терапевту, если ты…

Коннор надевает носки, потом ботинки. Медленными, размеренными движениями, словно очень важно сделать это правильно.

– Конечно. – Теперь голос у него ровный. Тревожаще безэмоциональный. – Как угодно.

Это жуткое «как угодно» – словно стальная дверь, захлопнутая у меня перед лицом. Я часто слышала такое от моей дочери, но не от Коннора. Однако он растет и становится самостоятельной личностью. Я для него уже не укрытие от всех бед.

Теперь я для него – помеха. Это больно.

Я делаю вдох, чтобы усмирить холод, пронзивший меня насквозь.

– Кто они? – спрашиваю. Коннор спокойно завязывает шнурки.

– Зачем? Что ты собираешься делать, побить их?

– Может быть. Потому что мне невыносимо видеть, как тебе больно, сынок. Совершенно невыносимо.

Я слышу, как на последних словах мой голос начинает дрожать по-настоящему. Коннор тоже это слышит и бросает на меня короткий взгляд. Я не могу прочесть ничего по его лицу, и он отворачивается так быстро, что оно на миг размывается у меня перед глазами.

– Было проще, когда мы переезжали, – произносит он. – Когда нам не приходилось просто принимать это.

– Знаю. Ты хочешь куда-то переехать? Мне казалось, тебе нравится жить на одном месте.

– Мне и нравилось. Я имею в виду – нравилась сама идея. Просто… – Коннор снова садится на кровать, вздыхает, но не смотрит на меня. – После школы я иду к Реджи в гости, помнишь? – Он говорит так, словно мы уже условились об этом. Но мы об этом даже не заговаривали. Однако я просто киваю и не возражаю. Моему сыну нужно ощутить, что ему есть чего ждать.

– Позвонишь мне, когда придешь туда? – Я произношу это как вопрос, а не как приказ. Коннору, похоже, становится легче от этого.

– Конечно, мам. – Он встает. – Наверное, нужно что-нибудь съесть.

– Хорошая мысль.

Я хочу обнять его, но вижу, что он не желает этого. Мое сердце болит за него. Я ужасно боюсь, что весь мир готов причинить ему вред, но я не могу остановить весь мир. Знаю, что не могу.

Возможно, это самое худшее.

К тому времени, как Коннор садится за кухонный стол, появляется моя дочь. Она вяло шаркает ногами, пряди темных волос свисают вокруг ее лица. Ланни одета в пушистый банный халат красного цвета, с изображениями мультяшного Дракулы. Она зевает так широко, что я практически вижу ее гланды.

– Блин, – говорит она. – Опять в школу?

– Опять, – соглашаюсь я. – Яичницу?

– Конечно. Кофе?

– Эликсир жизни со множеством сливок и сахара ждет тебя.

Мы завтракаем всей семьей. Для меня эти моменты драгоценны, пусть даже для полусонных детей это не так. Мне приходится торопить Ланни, которая, как всегда, мешкает. Если я не буду подгонять ее, оба они опоздают на школьный автобус, а Сэму уже пора ехать.

У дверей я обмениваюсь с Сэмом нежным поцелуем. Я вижу сожаление в его глазах. Сегодня мы упустили возможность немного побыть наедине.

Я надеюсь, что вечером она у нас будет. Если ничего не случится.

– Сэм? – окликаю я его. Он останавливается, не дойдя до своего пикапа. – Будь осторожен.

– Так много правил! – говорит он с усмешкой.

За деревьями разгорается заря, заливая все мягким, благостным светом. Он отражается от стекол машины и пикапа, и на секунду мне кажется, будто у меня галлюцинации, потому что ярко-красная точка на груди Сэма кажется неуместной.

Еще до того, как я понимаю, что это, мое сердце начинает колотиться, словно паровой молот. Но к тому времени точка лазерного прицела приходит в движение.

– Сэм! – В моем голосе отчетливо звучит тревога, но я вижу: он не понимает, о чем я его предупреждаю. Я уже готова крикнуть «ложись!», когда боковое окно его пикапа становится молочно-белым – это идет трещинами закаленное стекло. В центре зияет отверстие размером с монету.

Звук выстрела эхом раскатывается по холмам за домом.

Прилив адреналина подхватывает меня, и я выскакиваю за дверь, даже не осмотревшись. Сэм не ранен, но он так и торчит на открытом месте. Хотя и пригнулся, однако явно высматривает, откуда был сделан выстрел.

– Зайди в дом!

Он делает рывок к двери. Стреляли из-за дома и откуда-то сверху. Откуда-то с опушки леса на холме. Кто-то хотел, чтобы я видела, что он прицелился в Сэма и мог прострелить ему грудь так же легко, как окно его машины.

– Господи боже, – произносит Сэм. Голос у него на удивление спокойный, но лицо побледнело. – Я его не видел.

Я втаскиваю его в дом, захлопываю дверь, запираю замки. Включаю сигнализацию молниеносными движениями дрожащих пальцев. Дети вылетели из своих комнат и теперь стоят, застыв на месте, с белыми от тревоги лицами.

– Прочь от окон, – приказываю я им и указываю в сторону кухни. – Спрячьтесь в убежище и сидите там!

– Мам, это что, стреляли? – спрашивает Ланни.

– Немедленно отведи Коннора в убежище!

Она хватает брата и тащит его в указанном направлении. Я испуганно осматриваю Сэма в поисках ран. Иногда бывает так, что из-за адреналинового выброса люди не чувствуют, что в них попали. Но крови нигде не видно.

Снайпер наметил смертельный выстрел, но потом намеренно промахнулся. Это было предупреждение.

– Ты в порядке? – спрашиваю я его.

Он смотрит на меня с тем же самым странным спокойствием.

– Если не считать того, что я хотел бы застраховать машину на сумму побольше? Конечно. Он промазал.

– Он не промазал. Он направил лазерный прицел точно тебе в грудь.

– Но ты же знаешь, что на таком расстоянии лазерные прицелы ни хрена не стоят, – возражает Сэм. – Пули летят по баллистической кривой. – Он кладет руки мне на плечи, потом ведет ими вверх, обхватывая ладонями мое лицо. –

Гвен. Дыши. Всё в порядке, это просто стекло.

– Нет, – отвечаю я. – Это была угроза.

Поворачиваюсь, хватаю свой телефон и звоню в нортонскую полицию – их номер у меня на быстром наборе.

2. Гвен

Вероятно, не сюрприз, что копы практически ничего не обнаруживают.

Они находят пулю, застрявшую в сиденье пикапа, но та расплющилась в лепешку. Эксперт-криминалист – которого я знаю как вполне компетентного специалиста – сомневается, что им удастся что-то из этого извлечь.

И никаких следов стрелка. А точнее, слишком много следов. Эти леса исхожены охотниками вдоль и поперек.

Молодой коп в форме, который опрашивает нас, мне незнаком. Выглядит он лишь чуть-чуть старше моей дочери. Пытается изображать профессионала, но в итоге тон его звучит снисходительно.

– Мисс Проктор, я понимаю, что именно вы, по вашему мнению, видели, но сезон охоты на оленей только что открылся…

– Для охотничьих ружей! – перебиваю я его, потому что очень зла. – Послушайте, я видела точку лазерного прицела! Это было не охотничье ружье.

– Мэм, только из-за того, что кто-то выстрелил не туда и не вовремя, не следует делать выводы о чьих-то злых намерениях. Скорее всего, это просто случайность. Повезло, что никто не ранен, вот и всё.

Я оскаливаю зубы. Прежде чем успеваю изречь новую ядовитую фразу, Сэм кладет ладонь на мой локоть.

– Спасибо, офицер. У нас всё в порядке. Если вы сможете передать отчет для моей страховой компании…

– Несомненно, – отвечает юнец. С Сэмом он куда более любезен. Ну, конечно. – Рад, что вы понимаете, сэр.

Я понимаю его невербальное сообщение. Сэм здесь взрослый дядька, а я – истеричная баба. Мне хочется всадить пулю прямо в рот этому копу. Конечно же, я этого не делаю. Только скриплю зубами. Удивительно, что у меня до сих пор целы зубы.

Сэм явно понимает все это, поскольку продолжает:

– Спасибо, что приехали, офицер.

Тон у него абсолютно нейтральный, и коп воспринимает это как «до свидания» – впрочем, так оно и есть. Он отходит, чтобы посовещаться с экспертом, который слышал наш обмен репликами и теперь бросает на меня взгляд, безмолвно извиняясь передо мной, а потом закатывает глаза, словно говоря: «А что тут поделаешь?»

Я поворачиваюсь к Сэму.

– Ты серьезно?

– Серьезно, – отвечает он. – Спокойнее, Гвен. Драка с копами на пользу не пойдет.

Он, конечно же, прав, но мне ужасно хочется подраться хоть с кем-нибудь. А здесь некого бить, за исключением людей, которых я люблю, поэтому я засовываю этот инстинкт подальше и делаю глубокий вдох.

– Хорошо. Кто, по-твоему, это был?

– Если просто прикинуть? Кто-то из Бельденов.

Я ожидала, что он это скажет. Бельдены – сплоченное семейство обитателей холмов, напоминающее скорее вооруженное бандформирование. Сэм пару раз конфликтовал с ними – защищая кого-то другого.

Я никогда не встречалась ни с кем из них лицом к лицу, хотя их репутация широко известна и тщательно задокументирована в отчетах полиции Нортона и штата Теннесси. Основное их занятие – изготовление разных видов опиатов. Ходят слухи, что они получают рецепты от прикормленных врачей в нескольких округах, чтобы закупать сырье для своей «алхимии», однако пока что никаких доказательств нет. Ну и время от времени они варят метамфетамин где-нибудь на стороне.

Я привыкла к преследованиям [1 - Здесь и далее: предшествующие события жизни Гвен Проктор и ее семьи описаны в романах Р. Кейн «Мертвое озеро», «Темный ручей» и «Волчья река».]. Я много лет переносила неустанные гонения и угрозы со стороны интернет-троллей. В их число входят даже организованные группы – такие как «Погибшие ангелы», движение, созданное родственниками и друзьями жертв моего бывшего мужа. И случайные идиоты, почитающие Мэлвина и желающие либо познакомиться со мной ближе, либо убить меня. Преследователи, которые считают моих детей будущими маньяками. У меня есть множество врагов на выбор, но это другой случай. Это кто-то, кто живет совсем близко. Кто может явиться в школу к моим детям или на работу к моему семейному партнеру, да хоть в местный бакалейный магазин.

Или в наш дом.

Обычно в случае угрозы я веду себя довольно агрессивно, но, судя по словам Сэма, Бельдены относятся к этой войне как к спортивному матчу. Если я что-то сделаю хоть одному из них, то лишь разворошу гнездо очень злых шершней. Они откроют на нас охоту.

Я не могу позволить, чтобы на нас охотились. И все же мне противно оставлять это так.

– И что нам делать?

– Ничего, – отвечает Сэм, бросая на меня слишком хорошо знакомый мне взгляд. – Верно?

– Может быть.

– Гвен…

– Он мог убить тебя.

– Если б он хотел моей смерти, я уже был бы мертв, – отвечает он мне. – Если ситуация станет хуже, мы начнем действовать. Но сейчас ему нужен лишь предлог, так что не давай ему этот предлог. Ладно?

Я неохотно киваю. Никто из нас точно не знает, кто такой этот «он». Бельденов на удивление много, и практически все они – отличные стрелки. Один из них – снайпер с военной подготовкой, но это не значит, что именно он устроил сегодняшнее представление.

Думаю, они приберегают его для более серьезных случаев.

Я провожаю детей на автобус, настороженно высматривая любую угрозу, однако они без малейших происшествий отбывают в школу. Перед отъездом полицейские сообщают Сэму, что он тоже может ехать. Сэм выбивает простреленное стекло и обещает мне, что позвонит в авторемонт с работы. На этот раз наш прощальный поцелуй получается более долгим и насыщенным.

Мы стараемся обрести баланс теплого доверия друг к другу. Это с самого начала было нелегко. Сэм – брат одной из жертв Мэлвина. Эта тень всегда будет давить на нас. Наравне с тем мрачным фактом, что он помогал создавать «Погибших ангелов», одну из самых известных групп, травивших нас. Теперь они считают Сэма предателем и по-прежнему верят, что я была соучастницей преступлений моего бывшего мужа.

Но я знаю Сэма. Я полностью доверяю ему – доверяю ему самое драгоценное для меня: моих детей.

И мое испуганное, покрытое шрамами, крепко замкнутое сердце.

Иногда это меня страшит. Подпустить кого-то так близко, дать кому-то такую власть надо мной… это одновременно ужасает и возбуждает. Но подобные

моменты поистине драгоценны.

Я отправляю свои завершенные отчеты, фотографии и результаты финансовой проверки по делу Кингстона своей начальнице. Джи Би Холл – владелица частного детективного агентства, в котором я работаю, чертовски умная и сильная женщина.

Она уведомляет о получении отчета. Именно Джи Би будет просматривать результаты, документировать все найденное – а потом отправит заказчику в наиболее наглядном виде. Совету директоров эти материалы вряд ли придутся по вкусу, хотя они почти наверняка проведают об аресте Кингстона задолго до получения этих отчетов.

Я лишь рада тому, что это меня уже не касается. Жизнь у меня и так напряженная.

Я вижу, что Джи Би уже прислала мне новую работу. Открываю ее сообщение. «Это странное дело, – пишет она. – Нераскрытый случай пропажи молодого человека, и ты можешь счесть, что нас наняли его родители, но это не так. Заказ поступил от имени некоего некоммерческого фонда. Может быть, они действуют в интересах родителей пропавшего? Это неясно, так что работай осторожно. Улик так мало, что нам на самом деле нужно лишь попытаться заполнить пробелы. Это случилось где-то в ваших лесах. Проверишь?»

Я скачиваю вложенный файл. Это недлинный полицейский отчет о пропавшей персоне: молодой человек, который исчез из бара, где проводил ночь со своими друзьями. Он учится – учился? – на старшем курсе Теннессийского университета в Ноксвилле. Факты скупы и коротки. Реми Лэндри, двадцать один год, белый, родом из Луизианы.

Вечером в пятницу Реми отправился гулять вместе со своими шестью друзьями; вместе они решили посетить два бара. Когда все наконец собрались во втором баре, Реми нигде не было. Все предположили, что он подцепил какую-нибудь девицу и ушел с ней, но Реми не отвечал ни на сообщения, ни на звонки на его сотовый. У него была своя машина. Ее нашли запертой на парковке кампуса. Это имело смысл, если уж он намеревался пить в барах с друзьями.

Еще прилагается видеофайл – запись камеры наблюдения, показывавшая, что Реми был в первом баре. На скомпилированных кадрах видно, как он заказывает выпивку, танцует с друзьями, болтает с девушками. Когда я вижу его, у меня холодеет внутри: это красивый парень с приятной улыбкой, сильный, стройный и ловкий. Он выглядит так, словно находится на вершине мира. Единственная странность – на записи видно, что при нем был рюкзак. Я гадаю – не потому ли полиция предположила, что он сбежал?

Запись из второго бара намного короче, но на ней видно, как Реми и его друзья входят в зал и как друзья потом уходят. В примечании к файлу говорится, что при черном ходе не было камеры наблюдения, но что запись с парадного входа была отсмотрена покадрово. Реми вошел в эту дверь, но не выходил из нее. Пропал вместе с рюкзаком.

Полиция тщательно обыскала бар и ничего не нашла. Конечно же, действия были предприняты не сразу. Обыск проходил лишь несколько дней спустя. Никто не воспринимает всерьез пропажу студентов – особенно пропажу молодых парней, тем более если они не вернулись домой из бара. И тем более если нет явных улик некоего преступления.

Реми отсутствовал уже довольно долгое время, прежде чем кто-то поверил, что здесь что-то не так. И он как будто растворился в воздухе – буквально. Полиция не смогла найти никаких улик, никаких свидетелей.

И только тогда я замечаю дату его исчезновения.

Три года назад.

Пишу Джи Би:

Этот след уже давно остыл. Новые улики есть?

Мой рабочий телефон звонит минуту спустя после отправки сообщения, и когда я принимаю звонок, в трубке звучит теплый, уверенный голос Джи Би:

– Ты спрашивала о новых уликах по делу Реми Лэндри. Так вот, их нет. Скажу откровенно, полицейские провели достаточно подробное следствие, когда к ним наконец обратились с этим. Не знаю, что это за некоммерческий фонд, готовый оплатить нашу работу, но похоже, он как-то связан с церковью. Я копаю в эту сторону.

– Вы говорите так, словно у вас нехорошие предчувствия на этот счет, – замечаю я. Я уже довольно хорошо знаю Джи Би и в курсе, что инстинкты у нее остры, как бритва.

– Это так. И все же… с этим парнем что-то случилось. Вне зависимости от того, кто намерен вложить в это деньги, его родителям, наверное, будет лучше узнать, что с ним случилось. – Она вздыхает. – Ты ведь тоже мать. Ты понимаешь.

Я понимаю. Мысль о том, что кто-то из моих детей может пропасть и я его больше никогда не увижу, не дает мне спать по ночам. Я знаю, сколько опасностей вокруг.

Знаю, что в этой темноте водятся хищники похуже акул.

– Могу начать с разговора с его родителями, – говорю я. – Они в Луизиане?

– Его мать в Ноксвилле, вот почему я передала это дело тебе. Отец все еще живет в их доме в Луизиане, ведет бизнес.

Я понимающе киваю, хотя она меня не видит.

– На тот случай, если мальчик вернется в родной дом. Тогда я сначала поговорю с матерью.

– Будь аккуратна и осторожна. Их брак на грани распада.

Это меня тоже не удивляет. Супруги нередко расстаются после исчезновения или смерти ребенка. Особенно если это был единственный ребенок, как Реми Лэндри.

– Я буду осторожна. Следствие еще что-то обнаружило? Что-то, что не попало в отчеты?

– Нет. Ни сигналов сотового телефона, ни каких-то свидетельств со стороны друзей, ничего от посетителей бара. Никто ничего не видел. Как я сказала… это злит. Все равно что гоняться за тенями. Но если мы сможем предложить этой семье хоть какой-то результат…

Я не люблю быть для кого-то последним средством.

– А если я не смогу найти ничего нового?

– Тогда, возможно, это тоже будет ответом. Может быть, его родные наконец смогут отпустить ситуацию, – говорит Джи Би. – Иногда мы лишь ставим галочки в списке и обналичиваем чек. Это тоже часть работы, Гвен. Нравится нам это или нет.

– Хорошо. Я еще раз все проверю… – Я медлю. – Но… если я что-нибудь найду?

– Я искренне надеюсь, что ты ничего не найдешь, если только это не будет что-то весомое, что поможет нам найти его. Но я хотела бы избавить его родителей от напрасных тревог, тем или иным способом. Если ты что-то обнаружишь, приходи с этим ко мне, и мы сделаем всё, что сможем.

– Вы полагаете, что его уже нет в живых, верно?

– Прошло три года, и никто не видел его с тех пор; его кредитные карточки не тронуты, телефон молчит. Молодые парни так не поступают.

– За ним не было замечено психических заболеваний? Употребления наркотиков?

– Наркотики он пробовал время от времени, как и большинство студентов. Но с психикой у него все было в порядке. Что бы с ним ни случилось, я сомневаюсь, что он внезапно сошел с ума в студенческом баре.

Она, конечно же, права.

– И вы собираетесь узнать, кто нанял нас по этому делу, верно?

– Совершенно верно, – подтверждает Джи Би. – Я сообщу тебе, когда что-нибудь найду.

Я благодарю ее за работу, завершаю звонок, а потом начинаю копать.

Реми Лэндри кажется нормальным молодым человеком для своего возраста. Немного буйным, но ничего сверх обычного. Азартный, менял девушек, как перчатки, но ни одна из них, похоже, не злилась на него сильнее, чем это бывает в стандартных случаях. Как и сказала Джи Би, его друзья признали, что время от времени принимали в клубах наркотики, но Реми не злоупотреблял ими: что бы он ни пил и ни курил, всегда знал свою меру. Я смотрю на его селфи, просматриваю видео на его страницах в соцсетях. Красивый парень с яркой беспечной улыбкой, с уверенной манерой того, кто не сомневается в своем грядущем успехе. Его любили. Он всегда был в дружеской компании.

Что могло заставить такого парня исчезнуть из переполненного бара в час ночи? Инстинктивно напрашивается ответ – девушка, – но я не видела на записи, чтобы Реми обращал на кого-то особое внимание.

Пару часов трачу на то, чтобы просмотреть материалы, сделать примечания, потом еще дважды проглядеть вложение с камеры наблюдения в баре. Джи Би отметила, на какой секунде записи появляется разыскиваемый, но я залогиниваюсь в «облачном» хранилище и включаю полноразмерное видео с того момента, как Реми с друзьями приходит в бар. Я хочу увидеть каждый кадр с каждой возможной точки обзора. Может быть, кто-то что-то упустил. Может быть, кто-нибудь из находящихся рядом с ним видел что-то подозрительное. Я не знаю, что именно ищу, но знаю, что, если оно есть, я это увижу.

Только вот я не вижу. Не вижу ничего.

К двум часам дня, когда раздается звонок моего личного телефона, я уже ощущаю усталость и головную боль и зеваю во весь рот. Ставлю запись на паузу и хватаю телефон, поскольку мне все равно отчаянно требуется сделать перерыв. Проверяю номер, с которого идет вызов. Это номер моего сына. Коннор никогда не звонит из школы, если не случается чего-то срочного – обычно с Ланни, которая притягивает куда больше неприятностей, чем ее брат.

Я отвечаю на звонок, чувствуя, как ускоряется мой пульс.

– Коннор? Что случилось?

Я слышу голос, но это не голос моего сына. Какая-то взрослая женщина спрашивает:

– Мисс Проктор? – Тон у нее испуганный. Я ощущаю, что мир вокруг кренится вбок. Что-то не в порядке. Очень не в порядке.

– С моим сыном все хорошо? – Мой голос полон торопливости и страха.

– Да, – отвечает она. – Ну… относительно. Я миссис Прауд, веду у вашего сына…

– Уроки истории, – завершаю я за нее. Во рту у меня пересохло, рука судорожно сжимает телефон. – Что случилось?

– Понимаете… э-э-э… во время учений вышла ссора…

– Каких учений? – переспрашиваю я, потом вспоминаю. Пол словно уходит у меня из-под ног. «Я должна была знать». Нежелание Коннора идти сегодня в школу обретает абсолютный, оглушительный смысл. Мне сообщали об этих учениях, но я перепутала дату. «О господи!»

Сегодня в школе проходили учения на случай стрелкового нападения.

– Извините, я, конечно, должна была поговорить с ним об этом, – говорю я учительнице. – Если он неправильно себя повел, я поговорю с ним. Он проходит терапию…

Она делает глубокий, шумный вдох.

– Коннора увезли в больницу.

– Что? – Я вскакиваю на ноги, рабочее кресло катится через всю комнату и с силой ударяется о стену. Я едва замечаю это. Сжимаю телефон так крепко, что

его края впиваются в мою кожу. – С ним всё в порядке?

– Возможно, у него сломан нос, – отвечает миссис Прауд. – В этом замешаны трое…

– Замешаны в чем?

– В классе вспыхнула драка. Мне жаль…

– В какой он больнице? – спрашиваю я, потом сама же отвечаю на свой вопрос. В городе всего одно отделение неотложной помощи. – В Нортонской центральной.

– Да, мэм. Мне правда очень жаль. Я пыталась…

Она продолжает говорить, но я уже обрываю звонок. Бегу к двери, хватаю ключи и сумку и быстро набираю шифр, отключая сигнализацию.

На полпути к машине вижу сверкающие осколки стекла на дорожке и с запозданием вспоминаю, что здесь я – отличная мишень.

Останавливаюсь, поворачиваюсь к опушке леса и медленно обвожу ее взглядом. Если Бельдены там, пусть видят, что я их ни капли не боюсь.

Но если они и вправду там, то не показываются мне на глаза.

3. Коннор

Мне снова снился тот сон. Тот, в котором за мной гонится человек с пистолетом. Я слышу его шаги. Я один в темноте и пытаюсь удрать, но он настигает меня, как бы быстро я ни бежал. Не помню, как прибегаю домой, – просто оказываюсь внутри, стою там и вижу, что все мертвы. Мама лежит на полу, Сэм обмяк за столом. Ланни я практически не вижу, лишь ее ноги торчат из-за кухонной стойки; но я знаю, что она тоже мертва.

Потом я чувствую, как в голову мне утыкается дуло пистолета, холодный идеальный круг, и голос моего мертвого отца произносит: «Я всегда приду за тобой, малыш», – и я просыпаюсь, дрожа и чувствуя приступ тошноты.

Мне всегда снятся эти сны перед школьными учениями. Я никогда не говорю об этом маме, потому что она ненавидит антитеррористические учения, ненавидит саму их идею, но хочет также, чтобы я знал, что делать в таких случаях. И я научился. Беги, прячься, сопротивляйся – это говорили нам так часто, что я даже гадаю: а почему это называется «учениями», если ради них мы бросаем учебу?

Впервые мне пришлось делать это в школе в Массачусетсе, но тогда я был не против: я был еще маленький, и это казалось мне какой-то игрой. Однако в Теннесси в это дело вкладываются на полную. Они проводят эти учения так, словно готовят нас в армию.

Я солгал маме сегодня утром, когда она пришла поговорить со мной. Она думала, что дело в травле, и я не стал возражать ей. Так легче. Такое она может понять. Она росла в мире, где в школе ты в безопасности, или, по крайней мере, в мире, где травля – самое худшее, что может с тобой случиться, не считая ураганов и пожаров.

Но сейчас всё по-другому.

Нам сказали, что сегодня будут учения, но мы не знали, когда именно. Так что я весь день ждал этого, а не слушал учителей и вообще не обращал ни на что внимания, потому что ждал, когда загудит сирена, давая понять, что нам нужно идти в убежище.

Это наконец-то происходит на уроке истории. Я слышу сирену, а потом громкоговоритель объявляет: «Внимание, это учения!» Но я уже проваливаюсь в кошмар. Я сижу в ярко освещенном классе вместе с двадцатью другими учениками, но мне кажется, что я в темноте, наедине с монстром. Я слышу, как он идет. Это он. Я вижу маму, Сэма и Ланни мертвыми, совсем как во сне…

Учительница пытается поддерживать порядок и говорит нам, что нужно спокойно действовать по плану. Я не помню, что там требуется по плану. Я не помню ничего. Я думаю только о своем сне. Голос отца говорит мне, что он всегда придет за мной. Неужели так оно и есть? Неужели он снова послал кого-

то за мной?

Я вздрагиваю, потому что теперь это не только у меня в голове, я действительно слышу выстрелы. И крики. Это не мои воспоминания, эти звуки слышатся вокруг нас.

Все что-то делают, но я застыл на месте. Ученики придвигают столы к двери, чтобы загородить ее. Кто-то обматывает ремень вокруг доводчика наверху двери, чтобы заклинить его, а девочки дрожащими руками подсовывают под дверь толстые резиновые стопоры, чтобы ее не смогли выбить пинком.

На двери стоит недавно установленный ригельный замок, и я слышу, как кто-то со щелчком запирает его. Кто-то наклеивает плакат на оконное стекло, чтобы снаружи не было видно, что делается в классе. Изображение на плакате смотрит на нас. Джордж Вашингтон показывает нам поднятые большие пальцы, а яркие буквы над его головой гласят: «ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЛЕПНА».

Большинство учеников уже попрятались по углам, сбившись в кучу. Некоторые плачут и кричат, потому что выстрелы и остальные звуки ужасно громкие, а я могу думать только о маме, истекающей кровью на полу, о мертвом Сэме за кухонным столом, о неподвижных ступнях Ланни под стойкой.

Голос отца шепчет мне на ухо: «Я всегда приду за тобой, сынок. Ты – мой».

Мне кажется, что я падаю в черную-черную яму, у которой нет дна. Моя кожа холодеет. Я не могу двигаться. Я как будто заперт в клетке, но нет, я просто сижу за своим столом. Я кричу на себя, что надо шевелиться, но не могу.

Кто-то колотит в дверь снаружи и пытается отжать ее.

Учительница кричит на меня, но я не понимаю, что она говорит. Слышу только выстрелы.

Там стреляют, а я не могу двигаться.

Потом кто-то оказывается рядом со мной и хватает меня, и я думаю: «Нет, я не собираюсь умирать сегодня!» Без единой мысли хватаю степлер, лежащий под

столом, – я помню, что если кто-то ворвется в класс, мы должны швырять в него степлерами. Но вместо того, чтобы бросить, крепко зажимаю степлер в кулаке и бью того, кто схватил меня. Бью так сильно, что чувствую, как в моей руке что-то смещается с пронзительной судорогой, словно от удара током. Я не останавливаюсь, я бью снова. Этот кричит, но кричат все вокруг, а над нами все еще раскатывается дробь оружейных выстрелов, и я могу думать только: «Я достал его. Я достал его. Теперь я в безопасности».

Потом на меня прыгает кто-то еще. Я ударяю и его. Несколько человек вытаскивают меня из-за стола и бросают на пол. Все кричат. Кто-то пинает меня по руке, чтобы заставить бросить степлер, и тогда я тоже кричу. Я выкрикиваю: «Прекратите это! Прекратите это!» – и в конце концов… оно прекращается.

Больше нет выстрелов. Больше нет криков. Кругом тихо. Я лежу, скорчившись, на полу, по старому линолеуму размазана красная кровь. Рядом со мной валяется желтая ленточка, сломанный телефон, раскиданные учебники, перевернутый рюкзак. Я поднимаю взгляд и вижу бледные лица одноклассников. Все они смотрят на меня.

Учительница стоит надо мной и зовет меня по имени, но я не отвечаю. Я уже не знаю, что делать. Просто закрываю глаза.

– Это же просто учения! – всхлипывает кто-то из ребят – тоже на полу, в нескольких футах от меня. Я открываю глаза и понимаю, что знаю его. Он не стрелок, он учится в моем классе. Это Аарон Мур, но все в школе зовут его Бубба. Он прижимает ладонь к щеке, с которой капает кровь. Одна рука у него распухла. Еще один из моих одноклассников лежит рядом с ним. Хэнк. Он скулит и обеими руками держится за челюсть. Изо рта у него течет кровь.

Кровь и на степлере, который лежит на полу между нами.

Это сделал я.

Я – монстр.

– Это по-настоящему стреляли? – кричит кто-то нашей учительнице. Ученики тихо плачут, цепляются друг за друга. – Кто-то и правда стрелял?

– Нет, всё в порядке. Это просто учения, успокойтесь, успокойтесь все, пожалуйста, – отвечает учительница. Она наклоняется надо мной и касается моего плеча. – Коннор? Коннор, ты меня слышишь? – Пальцы у нее дрожат. Я ничего не отвечаю. Не хочу отвечать. – Брок, открой дверь. Беги к директору, скажи ему, что нужно вызвать «скорую помощь», две машины. Быстро!

Брок – тощий пацан в очках. Он выглядит перепуганным до смерти, но бросается к двери и начинает оттаскивать столы. Кто-то помогает ему. Им требуется несколько минут, чтобы убрать все препятствия. К тому времени, как дверь открывается, я медленно начинаю осознавать, что сделал что-то очень, очень плохое.

Но я слышал выстрелы. Настоящие выстрелы. Настоящие крики. Я не понимаю, что это было. Потом снова включается громкоговоритель, и кто-то объявляет:

– Всем внимание, нет никакого стрелка, повторяю, на территории нет никакого стрелка. В целях проведения сегодняшних учений мы включили запись, чтобы имитировать ситуацию, с которой вы можете столкнуться в случае настоящей стрельбы. Выстрелы были не настоящими. Учителей просим сохранять спокойствие и помочь ученикам следовать стратегии преодоления. На этом сегодняшние учения завершаются. Всем спасибо.

Он говорит «всем спасибо». Я не понимаю, зачем он это говорит.

Слышу, как несколько моих одноклассников плачут, а парень, которому я сломал челюсть – Генри Чартерхаус, – злобно смотрит на меня, и по лицу его размазана кровь. А я все еще слышу выстрелы, они эхом отдаются у меня в голове – снова и снова, и снова…

Я не знаю стратегии преодоления этого.

Я тоже начинаю плакать и уже не могу остановиться. Мне делают укол и кладут меня на каталку, чтобы отвезти к машине «Скорой помощи», и все вокруг становится мягким и расплывчатым по краям, и я перестаю сопротивляться, но пытаюсь сказать им, что он здесь, хотя знаю, что это неправда. Здесь никого нет. Отец не приходил за мной. Мой отец мертв.

Я слышу, как повторяю «простите», снова и снова, хотя и не знаю, за что именно я извиняюсь.

Разве мне не следовало сопротивляться? Нам говорили, что нужно сопротивляться. Не сдаваться. Не позволить чужим забрать нас.

Это какая-то бессмыслица, но потом она вдруг обретает смысл, и я по-настоящему понимаю, что именно сделал. Мне кажется, что во рту у меня пепел, только это еще хуже, и я точно падаю с темного обрыва в ледяную воду.

Я облажался. Я ужасно облажался. Если раньше меня просто считали странным – это одно. Но теперь?..

Я впал в буйство на глазах у всего класса. Я избил двух своих одноклассников. Ну да, они были придурками, они и раньше издевались надо мной, но, когда накинулся на них, я даже не понимал, кто они такие. Они просто попались мне под руку.

Я больше никогда не смогу вернуться в школу.

Никогда.

4. Гвен

Мой сын пострадал, а я даже не знаю, насколько тяжело. Я едва помню поездку: все сливается в размытые серые полосы, пока я не вижу больницу. Нортонская центральная больница – прямоугольное трехэтажное здание из кирпича, выстроенное в середине двадцатого века, если не раньше. Это единственное, на чем я сейчас могу сосредоточить взгляд. Въезжаю на стоянку отделения неотложной помощи и внезапно оказываюсь в приемном покое, даже не помня, как вбежала сюда, не помня, заперла ли двери своего внедорожника. Вероятно, да. Мышечная память сейчас умнее моего разума. Сердце колотится так, словно я бегом бежала сюда от Стиллхауз-Лейк.

Дежурная медсестра за стойкой поднимает на меня взгляд. По выражению ее лица я вижу, что она знает, кто я такая: бывшая жена серийного убийцы, пятно на добром имени города. Поджатые губы, поднятые брови, холодный осуждающий взгляд.

– Коннор Проктор, – ухитряюсь выговорить я. – Я его мать.

– Четвертая палата, – говорит она.

Я не спрашиваю, как он. Прохожу в проем двустворчатой двери и смотрю на номера палат. В первых двух лежат другие мальчики, рядом с каждым из них сидят родные. В третьей палате милая маленькая девочка всхлипывает от боли, пока медсестра берет у нее кровь.

Мой сын находится в палате напротив нее. Облегчение окатывает меня, словно ледяной душ, потому что он практически цел, в сознании, жив. Он полулежит на больничной кровати с приподнятым изголовьем и прижимает к своему распухшему лицу пакет со льдом. Когда отводит его, чтобы взглянуть на меня, я вздрагиваю. По его носу и вокруг глаз расплывается яркий сине-черный кровоподтек. Одна щека красная и опухшая. Я заставляю себя замедлить шаг, успокоиться, потом подхожу к кровати Коннора и беру его за свободную руку. Костяшки пальцев у него ободраны и покрыты синяками. От него пахнет антисептиком, по?том и кровью. Он все еще в той одежде, в которой отправился в школу, но свитер буквально превратился в лохмотья.

– Извини, – бормочет Коннор и отводит взгляд, но руку не убирает. Я мягко кладу ладонь на его лоб. Кожа у него теплая – но это тепло порождено все еще зашкаливающим адреналином. Потом температура у него упадет – и, вероятно, слишком быстро. Когда это произойдет, ему понадобится одеяло.

– Что случилось? – спрашиваю я. Теперь мне легче. Да, мой сын избит. Да, это вызывает у меня желание содрать шкуру с тех мальчишек в соседних палатах. Но он в сознании, он жив, он разговаривает. – Я не злюсь, Коннор.

– Но будешь злиться.

Это звучит зловеще.

– Твоя учительница сказала, что была драка…

Сын поворачивается и на этот раз смотрит прямо на меня. Я вижу что-то ужасное в его заплывших глазах.

– Не совсем драка, – поправляет он. – Это все я виноват. Просто… были звуки. Выстрелы, понимаешь, мам? И крики.

Я холодею.

– В вашей школе действительно была стрельба?

Коннор уже мотает головой, вздрагивая от боли.

– Нет, не по-настоящему. Это было… Они просто включили запись выстрелов и криков. Через колонки. Чтобы все было как по правде.

– Они… что? – Я замираю в шоке. Сначала чувствую возмущение: меня физически трясет от отвращения из-за того, что кто-то посмел так поступить с детьми. Потом меня охватывает ярость – такая, что она вгрызается в мои кости и воспламеняет мой костный мозг. Мне и так-то было не по себе от этих учений, без той ментальной травмы, которую описал Коннор. Достаточно плохо уже то, что детям приходится учиться реагировать на подобные опасности, но это я могу понять, учитывая, насколько нестабилен мир вокруг. Но пугать их намеренно?.. Какой-то невероятно тупой ублюдок, вероятно, решил, что это укрепит их дух. Нет. Они – не добровольцы в армии. Они, в отличие от меня и таких, как я, не выбирали прямое столкновение с опасностью. Они просто дети, травмированные дети, пытающиеся как-то прожить свою жизнь без всех этих ужасов…

Я обнимаю сына. Обнимаю его отчаянно, яростно. Он дрожит.

– Извини, – повторяет он. – Я просто… я не знаю, что произошло. Я просто не мог позволить, чтобы они трогали меня.

Конечно, не мог. Мой сын – стойкий мальчик, но и на него давят преступления его отца и весь этот террор, постоянно преследующий нас. Много раз ему

грозила опасность быть убитым. Все эти душевные травмы не дали ему иммунитет – в его возрасте это так не работает. Но они приучили его к жесткой самозащите, и это означает, что любой, кто в подобных обстоятельствах заденет его, будет расценен как серьезная угроза – и подвергнется соответствующему обращению.

Даже одноклассники.

Я не могу исправить это. Требуется куда больше времени, куда больше терапии и уж точно куда больше терпения, чтобы Коннор подробно осознал, что происходит в его запутавшемся разуме. Наше прошлое, все эти травмы дали ему одну жесткую установку: выжить. Поиск способов для укрощения этого инстинкта – долгий и трудный процесс.

Я просто держу его за руку и смотрю, как он борется со слезами, и моя ненависть к себе усиливается. Я должна была видеть, что это грядет. Коннор вел себя все более странно в те дни, когда в школе были назначены учения – а сейчас их проводят по шесть раз в год. Моей задачей было понять это, но я абсолютно неверно истолковала все признаки.

Я помню, как говорила ему с такой уверенностью, что понимаю его чувства. Но я не понимаю. И не понимала. В его возрасте я была защищенной, домашней девочкой, для которой опасность была абстрактным понятием, а мысль о том, что меня могут убить, – глупой фантазией. Я не могу по-настоящему понять, каково ему приходится: столкнуться с этим во взрослом возрасте – совсем не то, что в тринадцать лет. Мне следовало знать это.

Мои угрызения совести прерывает резкий женский голос:

– Вот этот мелкий ублюдок!

Я оборачиваюсь на голос. В дверях стоит тощая женщина с вьющимися темными волосами и большими голубыми глазами, полными злобы. Она указывает на моего сына. Я встаю, инстинктивно заслоняя его.

Рядом с ней стоит высокий широкоплечий мужчина. Он старше ее, в волосах его видна седина, нос приплюснут, словно у боксера. Тяжелый, но сильный. Он наклоняет голову и яростно смотрит на меня исподлобья. Я отвечаю таким же

злым взглядом, адресованным им обоим.

– Что вам нужно? – спрашиваю, хотя уже знаю это.

– Этот засранец сломал челюсть моему сыну! – заявляет женщина. – Им пришлось скреплять кости проволокой! Твой поганец рехнулся, а мой сын просто пытался помочь ему! Ты заплатишь за лечение моего сына, сучка!

Я хочу ударить ее по лицу, но это не поможет. И она права.

– Хорошо, – отвечаю я, поеживаясь при мысли о том, какой будет плата за медицинские услуги. – Я это сделаю. Но Коннор не виноват…

– Нет, это ты виновата в том, что он чокнутый! Ты и его маньяк-отец! Яблочко от яблони недалеко падает…

Мое первое побуждение – атаковать. Я не сильно отличаюсь от своего сына в том, как веду себя в стрессовой ситуации. Но у меня куда больше опыта, и я могу удержаться. Сохраняя спокойный тон, я возражаю:

– Возможно, я и виновата. Но не мой сын. Вы не можете обвинять его.

– Я могу обвинять кого хочу, сучка, и я засужу вас обоих за все это! Генри просто пытался заставить твоего сынка сделать то, что сказал учитель.

Я полагаю, она действительно может подать в суд. Она зла, как тысяча чертей. Но имя ее сына задевает какие-то струнки в моей памяти.

– Генри? – переспрашиваю я. Мне знакомо это имя. – Генри Чартерхаус? Худший из школьных хулиганов? И скольких же детей он бил и дразнил в школе?

Обвинение попадает в цель, я это вижу: женщина смотрит на мужа, потом собирается с духом для следующей атаки:

– Хэнк просто иногда дерется, мальчишки есть мальчишки. А вот твой сын избил его огромным металлическим степлером!

– У моего сына синяки и кровоподтеки на лице! – отрезаю я. – И я совершенно уверена, что многие школьные работники смогут подробно рассказать в суде, кто именно создает проблемы в Нортонской старшей школе. Вы этого хотите?

Она не хочет. Она об этом не подумала. Она знает, что ее сын – хулиган и задира, она отлично знает, что ступает по тонкому льду. Я вижу, как это понимание отражается на ее тощем злом лице.

– Сука! – кричит она. – Ты называешь моего сына хулиганом, в то время как твой поганый ублюдок – сынок убийцы и насильника, который прикончил полдюжины женщин и содрал с них кожу! И тебе еще хватает наглости!.. Вот только выйди в коридор, и я тебе зад-то наде-ру! – Акцент ее становится настолько сильным, что последние слова трудно разобрать.

Я совершенно не намерена ввязываться в драку с этой женщиной. Обитатели Нортона и так достаточно плохого мнения на мой счет; позорная известность – это проклятье, особенно в такой глуши, как эта. Большинству местных жителей не по себе от моего присутствия. Я неудобна для них. Я отказываюсь считать себя виновной в том, что сделал мой муж. Женщины почему-то всегда оказываются виноваты в действиях мужчин, и сейчас это верно, как никогда ранее.

И уж тем более для меня неприемлемо, чтобы эта витающая в воздухе ярость обращалась на моих детей. Как бы мне ни хотелось стукнуть эту женщину – несколько раз, если получится, – я этого не делаю. Просто поворачиваюсь к ней спиной и снова присаживаюсь рядом с Коннором, который смотрит на меня в явном замешательстве. Он никогда еще не видел, чтобы я уклонялась от драки.

Возможно, ему нужно это увидеть.

– Всё в порядке, – говорю я ему и снова беру его за руку. – Не обращай внимания на этот шум.

– Это не просто шум, – возражает он. – Мам, мне очень жаль. Мне не следовало так его бить, но я не мог… мне казалось, что я тону. Я чувствовал, что должен вырваться оттуда, но я просто… не мог двигаться. – Делает глубокий вдох, и я слышу подавленный всхлип в глубине его гортани. Это больно ранит меня. – Я – не ты. И не Ланни. Я не могу быть настолько храбрым.

Женщина у двери продолжает изрыгать ругань, но я слышу резкий голос медсестры, которая велит ей успокоиться, иначе скандалистку выставят из больницы. Когда я оглядываюсь, чета Чартерхаусов уже скрывается из виду – но их по-прежнему слышно. Скандал удаляется по коридору, яростная брань перемежается с бесстрастно-ледяными предупреждениями медсестры.

Пару минут спустя медсестра заглядывает к нам в палату. Это пухлая афроамериканка с угловатыми чертами лица и короткой стрижкой. Она бросает на меня взгляд, словно ожидая неприятностей и от меня тоже. Я просто благодарю ее за заботу о моем сыне, и она расслабляется – но не улыбается.

– Врач просмотрел рентгеновский снимок, – говорит она. – Нос не сломан, просто сильно ушиблен. Сейчас, возможно, ушиб не болит, но скоро начнет, к тому же синяки будут впечатляющие. Таблетки от боли можно приобрести на сестринском посту. Коннор, прикладывай лед к лицу до самого вечера, столько, сколько сможешь. Так будет легче.

Я киваю. Коннор уже спускает ноги с кровати.

– Теперь я могу уйти? – спрашивает он. Медсестра качает головой.

– Нужно еще около часа, чтобы заполнить все бумаги, – объясняет она. – Я дам знать.

Она совершенно права. Уже почти половина пятого, когда мы получаем документы на выписку. Я расписываюсь в них вместо Коннора. После этого медсестра говорит:

– Вам нужно еще подписать чек в приемной.

Она имеет в виду оплату счета. Я киваю и благодарю небо за то, что у меня сейчас есть настоящая работа, с настоящей медицинской страховкой для меня и детей. Джи Би щедро платит мне за каждый час тех расследований, которые я провожу, поэтому сейчас мы куда менее стеснены в деньгах, чем прежде. Когда мы осели в Стиллхауз-Лейк, я потратила почти весь остаток своих денег на покупку и ремонт дома, а моя удаленная работа не всегда покрывала расходы, особенно с учетом того, что у меня двое детей. Сэм помогает оплачивать счета,

но я не позволяю ему вносить больше, чем это необходимо. Я угрюмо вспоминаю, что мне придется оплатить счет за лечение как минимум еще одного мальчика. Так что в конечном итоге мы, наверное, все-таки окажемся в убытке.

Коннор мрачно смотрит на свой изорванный свитер, заляпанный кровью.

– Я похож на черта.

– Ты похож на жертву избиения, – возражаю я. – Мы поедем прямо домой. Там ты примешь душ и переоденешься в чистое.

Он не поднимает взгляд.

– А завтра? Мне опять придется идти в школу?

Я вздыхаю:

– Мы обсудим это.

Я иду так, чтобы заслонять его от палаты, где сидят злобные родители Генри. Они буравят нас мрачными взглядами, но не подходят к двери, чтобы затеять новую перепалку. Мы поспешно идем к сестринскому посту, забираем указания по выписке, оплачиваем счет, договариваемся, что счет Чартерхаусов пришлют мне, и в рекордно короткое время выходим за двери больницы, направляясь на стоянку.

Подойдя ближе к машине, мы замедляем шаг.

Шины моего внедорожника спущены. Все четыре. И когда я наклоняюсь, чтобы осмотреть их, то вижу на резине рваные порезы.

Я сглатываю ярость – такую резкую, что она отдает металлом у меня во рту, – и во второй раз за день звоню копам.

* * *

Огромное облегчение – наконец-то оказаться дома. Сэм уже здесь, ждет нас и беспокоится, потому что уже почти темно. Он присылал мне эсэмэску; я попросила Коннора набрать ответ, но понятия не имею, что он написал. Зная моего сына, вероятно, лишь пару слов.

Сэм встречает нас в дверях, Ланни стоит у него за спиной. Оба они выглядят встревоженными. Однако ни тот, ни другая не выражают удивления при виде покрытого синяками лица Коннора. Сэм мрачнеет, Ланни приходит в ужас. Однако до странного быстро справляется с этим и спрашивает:

– Больно? – Она внимательно всматривается в лицо брата. Тот кивает. – Ничего себе! Ты выглядишь так, словно выжил в фильме «Пила». Я и не знала, что из носа может натечь столько крови.

– Ну вот, натекло, – отвечает он, протискивается мимо нее и направляется прочь по коридору. – Спасибо за сочувствие.

– Сквиртл [2 - Сквиртл – имя одного из покемонов, существ из серии игр, манги и аниме «Покемон», принадлежащей компаниям Nintendo и Game Freak.]…

Коннор резко разворачивается. Он уже ростом с сестру, а через год, вероятно, перерастет ее на несколько дюймов.

– Прекрати называть меня так! – В его словах звучит подлинная ярость. Не дожидаясь ответа, он уходит в свою комнату.

– Ужин почти готов! – кричит Ланни ему вслед. – Я приготовила пиццу! – Ответа нет. Она, похоже, разочарована.

– Замороженную пиццу? – спрашиваю я, обнимая ее одной рукой. Она дергает плечом. – Мне кажется, уместнее сказать «разогрела».

– Эй, я добавила к ней всякого-разного, так что, считай, я ее приготовила. – Дочь быстро становится серьезной. – С ним всё в порядке?

– Думаю, да, но… – Я делаю вдох, потом выдыхаю и продолжаю: – Ланни, ты никогда не говорила о том, как чувствуешь себя во время школьных учений. И он

тоже. Но он не очень хорошо пережил это. А ты? У тебя всё нормально?

Ланни не отвечает, и это на нее не похоже. В этот момент я вижу: у нее тоже не всё в порядке, но она скрывает это лучше, чем мой сын. Я отправила его в школу сегодня. Я сделала это из слепого желания заставить моих детей вести нормальную жизнь, которой у них явно и заведомо нет и, возможно, никогда не будет.

Я слегка сжимаю плечо Ланни.

– Солнышко, у тебя сегодня все обошлось хорошо?

Дочь продолжает молчать еще несколько долгих секунд и не смотрит мне в глаза.

– Это страшно, – говорит наконец она, и из ее уст это весомое признание. – Я была в библиотеке. Мы заперлись в книгохранилище, пока все не закончилось. Свет погас, люди кричали, и… – Она с трудом сглатывает. – Это просто тяжело, мама. Для некоторых из них это всего лишь игра. Но я знаю, что это не игра. Я знаю, что именно может случиться. И очень тяжело ощущать себя… в ловушке.

Я поворачиваюсь и обнимаю ее. Я делаю это медленно и нежно, потому что пытаюсь не показывать ей, насколько я испугана. Она сильная девочка, но я чувствую под этой силой уязвимость. С ней не всё в порядке. С моим сыном не всё в порядке. Я должна была знать это.

Ее стойкость колеблется и дает трещину.

– Мама… – Она произносит это более подавленным тоном, чем я привыкла слышать из уст дочери. – Ты не можешь снова отправить Коннора в эту школу. И раньше там было достаточно плохо, а теперь все накинутся на него вдвое сильнее.

– Хорошо, – отвечаю. – Я заберу его оттуда. Может быть, на некоторое время. Я могу обучать его сама. И тебя, если ты не хочешь и дальше…

– Не хочу, – говорит Ланни решительным тоном, без сомнений. В ее взгляде читается намек на пристыженность. – Я пыталась, мам. Я очень пыталась. Но все хреново. Далия даже не разговаривает со мной. Она шарахается от меня, как от зачумленной, а ее подружки смотрят на меня, как на дерьмо. – Далия – ее бывшая подруга, можно сказать, почти ее девушка. Я очень надеялась, что их отношения продлятся хотя бы сколько-то времени, но надежда оказалась напрасной. Далия резко оборвала все контакты, хотя Ланни пыталась их сохранить, но безуспешно. – Здесь очень трудно с кем-то подружиться. А те, с кем я подружилась, стали мне врагами, когда…

Она умолкает, но я знаю, что хотела сказать моя дочь. «Когда ты выступила по телевизору». Это моя вина. Я приняла неверное решение, когда попыталась участвовать в ток-шоу, чтобы оправдать себя. Вместо этого я только раздула пламя ярости, которое и без того горело достаточно жарко. У меня по-прежнему есть здесь несколько друзей и союзников, но это не поможет моим детям лавировать в предательских водах школьного общества – тем более в таком маленьком городке.

Я только ухудшила ситуацию для них. А травма, которую нанесли всем детям – не только моим – эти школьные учения, была особенно тяжелой для Ланни и Коннора, потому что они пережили множество опасностей, о которых большинство других школьников и понятия не имеют. Ланни и Коннор продолжают платить по счетам, и меня это бесит.

И сейчас у меня остался единственный выбор – изолировать их, а ведь мне так не хотелось этого делать! Но либо так, либо снова переехать куда-нибудь и попытаться начать все сначала. Я упряма, однако когда речь идет о моих детях, мне нужно использовать это качество для их защиты. Не в ущерб им. Инстинкты подсказывают мне, что нужно стоять на своем. Но я больше не уверена, что это правильно.

– Хорошо, – говорю я дочери и целую ее в лоб. Она корчит гримасу и выворачивается. – Завтра я позвоню в школу и сообщу, что перевожу вас обоих на семейное обучение. Но это не значит, что вы будете бездельничать. Вы будете делать уроки, писать контрольные, выполнять стандартные домашние задания. И я буду самым строгим учителем, какой у вас когда-либо был.

Ланни закатывает глаза.

– О да, я это знаю, – говорит она. – Поверь мне.

Но при этом испытывает облегчение. Я вижу это по ее походке, когда она удаляется в свою комнату. В этой походке заметна уверенность, которой не хватало дочери в последнее время.

Это правильное решение. Должно быть правильным. Я сделаю для этого все, и мы решим, что нам делать дальше.

Пока мы вместе, все будет хорошо.

Сэм смотрел на нас молча, но теперь приобнимает меня одной рукой; я поворачиваюсь к нему лицом и делаю долгий судорожный вдох.

– Коннор в порядке? – спрашивает Сэм. Я слышу в его голосе тревогу и заставляю себя кивнуть.

– Ему понадобится еще несколько дополнительных сеансов у терапевта, – говорю я. – Это было классическое проявление ПТСР, судя по всему. Сначала он замер на месте, а когда кто-то толкнул его, бросился в драку. Он сломал челюсть одному из ребят. – Я смеюсь невеселым дрожащим смехом. – Самое отвратительное – то, что всем этим детям приходится шесть раз в год подвергаться травмирующей ситуации, пусть даже ненастоящей. Сэм, ведь Коннор даже не осознавал, что делает.

– Теоретически я понимаю необходимость таких учений. Детям нужно быть готовыми реагировать на экстренные ситуации, – отвечает Сэм, но голос его звучит мрачно. – Однако для Коннора из этого не могло выйти ничего хорошего.

Ланни скрывается в коридоре. Я понижаю голос и говорю:

– Сэм… этот город… Я не знаю, что делать. Они изгоняют нас, объединяются против нас. Ты и сам это чувствуешь, так же как и я.

– Знаю. И еще я знаю, что ты поклялась никогда больше не убегать.

– Может быть, это просто слепая, упрямая гордость, – говорю я ему. – Я выбрала это место, потому что здесь нас никто не знал. Но теперь это не так, и, наверное, мне просто нужно принять тот факт, что мы уже никогда не будем безымянными и неизвестными.

Я делаю глубокий вдох и оглядываюсь по сторонам. Этот дом… он кое-что значит для меня. Мы купили его заброшенным и изгаженным и вместе с Ланни и Коннором привели его в жилое состояние. Перестелили полы, оштукатурили стены. Вложили в него средства, труд и любовь. Мы сами выбрали это место, оно наше.

Но правда заключается в том, что это всего лишь строение. Мы можем найти другое место и сделать его своим домом. И… и мне кажется, мы так и должны поступить. Может быть, жить в Ноксвилле будет дороже, но у Сэма появится шанс снова водить самолеты, а я… у меня уже есть работа, и если мы переедем, то я окажусь ближе к офису своей начальницы со всеми ресурсами, которые этот офис может мне предоставить.

Я делаю новый вдох и заявляю:

– Думаю, нам нужно переехать.

До этих слов Сэм тщательно сохранял на лице бесстрастное выражение, но теперь в его взгляде проскальзывает облегчение, и меня охватывает чувство вины. Он беспокоился куда сильнее, чем давал мне понять. Обхватив мое лицо ладонями, Сэм подается вперед и нежно целует меня в лоб.

– Мне кажется, это правильно, – говорит он. – Но я знаю, что ты многое вложила в этот дом. Не хочу, чтобы тебе казалось, будто я на тебя давлю.

– Ты не давишь, – с улыбкой возражаю я ему. – Но, возможно, тебе и следует надавить. Ты тоже часть всего этого.

– Хорошо. Считай это давлением. – На секунду его улыбка становится такой искренней, что заставляет меня забыть обо всем остальном. – Да, кстати… надеюсь, это не обидит тебя, но поскольку ты заговорила о домашнем обучении, я кое-что разузнал о Теннессийской виртуальной академии. Для того чтобы осесть где-нибудь в другом месте, нам понадобится некоторое время, и вряд ли

ты захочешь, чтобы дети все это время отлынивали от учебы. – Я в изумлении отстраняюсь, и он пожимает плечами. – Я прикинул, что до этого вполне может дойти. Можно записать их в онлайн-академию, но сперва ты должна официально забрать их из Нортонской школы.

– Ух ты! – говорю я. – Спасибо.

Он снова пожимает плечами.

– Я беспокоился, вот и подумал, что надо составить схему действий на тот случай, если все будет совсем плохо. Так сказать, план эвакуации.

Я целую его. Это импульсивное действие застает его врасплох, но он не отстраняется. Мы всё еще заращиваем огромную пропасть, открывшуюся между нами в жестоком и жутком городке Вулфхантер [3 - Здесь и далее: события в Вулфхантере описаны в романе Р. Кейн «Волчья река».]. В нашем прошлом вскрылись вещи, о которых я не знала, даже не подозревала, и это… больно. Очень. Теперь мы медленно отстраиваем мост, способный выдержать невероятную тяжесть прошлого – и его, и моего.

Этот поцелуй зажигает где-то глубоко во мне неожиданный огонь, растапливая меня, словно масло, наполняя мое тело теплом. Мы оба слегка нестабильны. Слегка безумны. Сэм проводит пальцем по моим губам, словно заверяя этот поцелуй подписью, и что-то в его взгляде заставляет меня думать, будто он испытывает то же самое желание, что и я.

Но у нас нет шансов предаться этому желанию, потому что Ланни появляется из коридора и говорит:

– Эй, так мне сделать салат или… – Она сразу же улавливает обстановку, потому что мы с Сэмом реагируем, словно застигнутые врасплох подростки – отшатываемся друг от друга, хотя у нас нет для этого ни единой причины. – Что, правда? Вот это да!

– Ланни, – я стараюсь, чтобы мой голос звучал твердо и по-взрослому; кажется, мне это не удается. – Ты и сама в состоянии это решить.

– Конечно, – отвечает она, вкладывая в этот ответ куда больше значения, чем я сейчас хочу расшифровывать. – Я… ну, как-нибудь справлюсь с этим.

Я беру Сэма за руку.

– В спальню? – спрашивает он меня.

– В спальню, – отвечаю я, притворяясь, будто не слышу, как фыркает Ланни, когда мы проходим мимо нее.

5. Ланни

Наверное, мне должно было быть не по себе от перспективы не идти в школу завтра утром, но, честно говоря, я чувствую себя просто отлично. Как будто у меня с плеч свалилась страшная тяжесть и я снова могу по-настоящему дышать. Школа – это армейский лагерь, а я всегда была одиноким вражеским солдатом в нем. Девчонки обычно не дерутся так, как это делают парни, так что это были просто злобные укусы и неприятие, а не прямая борьба. Хотя у меня случилось несколько стычек с ребятами – и девочками, – которые нападали на меня, когда я только-только пришла в эту школу. В последнее время никто не пробовал такое проделать. Но я никогда не чувствовала себя по-настоящему одной из них: я в лучшем случае оставалась «новенькой». А в худшем – была дочерью маньяка. Вежливые люди не говорили этого вслух, но это не значит, что они такого не думали.

Пока еще вечер. Коннор чувствует себя дерьмово, и даже просмотр его любимых фильмов про супергероев не помогает ему взбодриться, так что сразу после ужина я убегаю в свою комнату. Лежу в кровати, слушая свой плейлист и наслаждаясь тем, что завтра – пусть даже мама наверняка разбудит меня в несусветную рань, – я смогу просто учиться по Сети, выполнять тестовые задания и жить своей жизнью.

Это звучит потрясающе.

На небо наползают дождевые тучи, и к тому времени, как я заканчиваю смотреть фильм на своем ноутбуке и проглядываю несколько видеоуроков по макияжу на «Ютьюбе», я слышу раскат грома. Тихий и отдаленный – но дождь уже начался. Он приятно, размеренно барабанит по крыше и окнам.

Уже два часа ночи, и я почти засыпаю, когда слышу, как кто-то стучит в мое окно. Сначала я думаю, что это ветка дерева.

Потом сон мигом слетает с меня, и я сажусь в постели, потому что за окном маячит тень.

Там, под дождем, стоит человек и стучит в мое окно.

Я собираюсь закричать, позвать маму, но срабатывает какой-то странный инстинкт. Мне знаком этот силуэт. Я хватаю свой телефон, включаю на нем фонарик и направляю прямо на окно.

Да, это она – Вера Крокетт, для друзей Ви. Ви из Вулфхантера. Какого черта?

Ви немного старше меня, но всего на несколько месяцев. Она пережила столько же дерьма, сколько и я, но, похоже, справилась с этим не очень хорошо. Во-первых, она потеряла маму, и это после тяжелого детства и еще более тяжелых подростковых лет. Ви – одна из немногих людей, с кем я могу помериться трудным прошлым, и она выиграет. По крайней мере, меня не сажали в тюрьму по ложному обвинению в убийстве.

Но ведь предполагалось, что Ви сейчас должна жить у своей тети где-то в другом штате. Какого черта она оказалась здесь, тем более посреди ночи?

Неважно. Мне нравится Ви. И вот она здесь, под моим окном – промокшая, дрожащая и ужасно далеко от дома. Я хватаю листок бумаги и черным маркером пишу на нем «Подожди здесь», потом прижимаю его к оконному стеклу. Ви машет рукой, давая понять, что прочла сообщение. Я выскальзываю из своей комнаты в коридор и останавливаюсь у двери маминой спальни, чтобы прислушаться. Ничего не слышу. Мама и Сэм спят.

Я тихо иду по коридору к контрольной панели у входной двери, потом несколько секунд медлю. Мама, вероятно, не услышит, как я ввожу код, чтобы отключить сенсор на моем окне. Но вопрос в том, должна ли я это делать? Или нужно сказать маме, что Ви здесь, возле дома? Но я знаю, что будет тогда. Мама встревожится и отошлет Ви прочь. Ну ладно, может быть, она этого не сделает… Ведь тогда, в Вулфхантере, она спасла Ви жизнь. Но я не могу рисковать.

И мне очень хочется узнать, что скажет Ви.

«Да пошло оно все!»

Я набираю код, чтобы снять свое окно с сигнализации, и вздрагиваю, когда кнопки клавиатуры пищат под моими пальцами, но я у самой входной двери, а мамина спальня находится в дальней части дома. Если мама что-то и услышит, я могу соврать, что просто проверяла, включена ли сигнализация.

На обратном пути снова останавливаюсь у маминой двери и задерживаю дыхание, удостоверяясь, что они с Сэмом не проснулись, потом возвращаюсь в свою комнату и поднимаю раму. Дождь холодный, он лупит по моим босым ступням, и я едва сдерживаюсь, чтобы не вскрикнуть. Ви уже ухватилась за подоконник. Она быстро проскальзывает внутрь и роняет мокрую дорожную сумку на коврик возле моей кровати.

– Тише! – шиплю я и закрываю окно. Когда оборачиваюсь, Ви обнимает меня, и я на мгновение замираю, а потом расслабляюсь. Она промокла насквозь, от нее пахнет грязью и сыростью, но ее объятия… это круто. – Что ты здесь делаешь? – спрашиваю я настойчивым шепотом.

Я отстраняюсь и смотрю на нее. Мне не нравится блеск в ее глазах. Выглядит она странно – как будто под веществами. Волосы у нее мокрые, грязные и свалявшиеся.

– Мне нужно воспользоваться твоей ванной, – шепчет она в ответ. – Можно принять душ?

О боже… Я раздумываю над этим, прикусив губу.

– Только быстро, – говорю я ей, надеясь, что шум дождя заглушит звуки из душевой. – И тихо. И… э-э… тебе, наверное, надо помыть голову.

Она улыбается мне, и, черт побери, мне нравится ее улыбка. И всегда нравилась, с первой же минуты, как я увидела Ви в тюрьме. Она старалась быть спокойной, крутой и сильной, но я видела, что под этим что-то прячется. Что-то, что следует узнать. У Ви много проблем, я это знаю, но мне всегда казалось, что я ей тоже нравлюсь. «И вот она здесь».

Но почему?

Ви не говорит мне. Она поворачивается, принимается рыться в своей сумке и достает оттуда белье, спортивные штаны и футболку. Я подвожу ее к двери и указываю на ванную с другой стороны коридора; Ви машет рукой и направляется туда. Я дожидаюсь, пока она не зайдет в ванную и не запрет дверь, потом снова иду к контрольной панели и включаю сигнализацию на своем окне.

Из-за дождя плеск воды в душевой почти не слышен, я и сама его едва различаю, а комната мамы и Сэма еще дальше по коридору. По крайней мере, Ви действует тихо.

Я напряженно жду, обгрызая ногти, пока она не возвращается. Она вымылась и переоделась. Вздохнув, усаживается на мою кровать. С ее мокрых темных волос капает вода, и ткань футболки там, где расплываются влажные пятна, становится полупрозрачной. Теперь Ви выглядит лучше. И немного менее обдолбанной.

Я наклоняюсь к ней и спрашиваю:

– Что ты тут делаешь?

– Ну… – отвечает она с тягучим акцентом, характерным для сельской местности. – Суд решил, что я буду жить у тети, но она в итоге не смогла меня забрать, и меня отдали в приемную семью, а я вот не согласна. Ты бы согласилась, Ланта?

Ви единственная, кто называет меня «Ланта» – сокращенно от «Атланта»; все остальные зовут просто «Ланни». Мне даже нравится ее версия. И меня пугает то, что мне это нравится.

– Наверное, нет, – соглашаюсь я. – А эти опекуны – они что, были злые?

Ви пожимает плечами.

– Они говорили мне, когда ложиться спать, когда вставать, что носить, что есть… Терпеть такого не могу.

– И ты приехала сюда? Ты хотела встретиться с моей мамой?

– Твоя мамка – крутая тетка, – говорит Ви. – И она спасла мне жизнь, потому что копы там, в Вулфхантере, меня убили бы. И ты тоже спасла. – Она говорит небрежно, но я чувствую в этом что-то еще. Как и в том взгляде, который она бросает на меня. – Я много думала о тебе, Ланта.

Я не говорю ей, что тоже думала о ней, но это было бы правдой. Я о ней думала. Не то чтобы всерьез – я считала, что она давным-давно исчезла из моей жизни. Но в Ви что-то такое есть. Может быть, опасные черты, которые мне так нравятся…

– Так что ты сейчас поделываешь? – спрашиваю я ее.

– В общем? – Она приподнимает и опускает плечи. – Ну, знаешь, слоняюсь тут и там…

– Ты просто сбежала от своих опекунов?

– Ну да, уже давно. Потом как-то оказалась на автобусной остановке неподалеку отсюда и решила – а, черт, почему бы тебя не найти? И вот я тут.

Ви рассказывает не то, что было на самом деле. Я знаю, что она лжет мне, но не знаю почему.

– Послушай, ты можешь тут переночевать, но тебе нужно исчезнуть до того, как моя мама проснется утром, ладно? Я принесу тебе еды и…

– Ланта. – Она кладет руки мне на плечи и подается ближе. Я застываю. У нее невероятно красивые глаза, и мое сердце бьется так быстро, что мне больно. – Атланта Проктор, тебе не надо делать ничего, что ты не хочешь делать. Ты же знаешь, да? Я исчезну, если ты хочешь, чтобы я исчезла. Ничего особенного.

Я чувствую тепло. Невесомость. Что-то странное. Я хочу кинуться к матери. Я хочу поцеловать эту девушку. Я не знаю, что сейчас творится со мной.

Я не отвечаю. Просто ложусь и укрываюсь одеялом. Ви несколько секунд смотрит на меня, потом забирается под одеяло и тяжелое покрывало рядом со мной, и простое животное тепло ее тела заставляет меня забыть о том, как дышать.

Она придвигается ближе, и я чувствую, как она почти касается меня. Я дрожу в ожидании. И ощущаю ее теплое дыхание на моем затылке, когда она шепчет:

– Доброй ночи, Ланта.

Я делаю судорожный вдох, протягиваю руку и выключаю свет.

Мне кажется, что я не смогу уснуть, когда она рядом со мной. Мои мысли бешено скачут. И мой пульс тоже. Я чувствую холод и жар, восторг и ужас, и я знаю, что все это неправильно, но мне плевать. Мне плевать. Тогда, в Вулфхантере, я даже практически не оставалась с Ви наедине – было слишком много проблем, чтобы беспокоиться о чем-то еще. Но после этого я часто думала о ней. Мне кажется нереальным, что она… просто взяла и появилась. Как будто это сон и, когда я проснусь, она исчезнет.

Когда Ви обнимает меня за талию и прижимает к себе, я издаю стон, потому что это жутко приятно. Это ощущается как лучший поцелуй в мире, хотя мы даже не целуемся.

Ее выдох шевелит волосы у меня на затылке, а потом Ви просто… засыпает. Я знаю, что она спит, – я чувствую, как расслабляется ее тело, слышу, как

меняется ритм ее дыхания.

«Она пьяна или под наркотиками, или что-то в этом роде, – говорю я себе. – Тебе не следовало впускать ее сюда. Ты не должна сейчас лежать с ней в постели. Встань».

Но я не встаю.

И тоже засыпаю, несмотря на весь страх, неуверенность и неутоленное желание.

Потому что, каким бы неправильным это ни было, Ви Крокетт вызывает у меня чувство… безопасности. И я знаю, что это совершенно неправильно. Ви – человек небезопасный. Но, возможно, это просто ощущение того, что я снова кому-то нужна в таком смысле…

Ви сказала, что пришла сюда ради меня.

Может быть, она не лжет.

* * *

Просыпаюсь от того, что Ви шевелится. Она убирает руки с моей талии и зевает. Я моргаю от тусклого света, сочащегося в окно. Еще не рассвело – но уже начинает светать. Мама скоро встанет, если уже не встала… Черт побери, мне нужно выставить Ви отсюда. Немедленно.

Я выскальзываю из кровати, прижимаю палец к губам и влезаю в домашние тапки. Ви улыбается мне – теплой и ленивой улыбкой, потом зарывается в подушки, словно намереваясь остаться. Я открываю дверь и прислушиваюсь. В доме пока что ни звука. Я бегу по коридору к гостиной и едва начинаю вводить код от своего окна, как слышу бодрый сигнал будильника Сэма. «Черт, черт, черт!» Я едва не промахиваюсь в спешке по клавишам, но набираю код правильно, потом мчусь обратно в свою комнату, закрываю и запираю дверь. Слышу, как мама и Сэм просыпаются у себя в комнате.

– Тебе нужно уходить, – шепчу я Ви. – Сейчас. Немедленно.

Рывком заставляю ее сесть. Она моргает, глядя на меня, снова зевает, сует босые ступни в ботинки, которая оставила на полу. Ее высохшие волосы всклокочены самым невероятным образом, но ей, похоже, плевать на это. Она сует свою грязную одежду в дорожную сумку. Я открываю окно. Ви выкидывает сумку наружу, садится на подоконник и смотрит на меня, болтая ногами, словно ребенок.

– Можно, я вернусь вечером? – спрашивает она. Я качаю головой. – Ой, да ладно! Это было забавно, верно? И я была милой. Я не воспользовалась случаем.

– Ви, если моя мама увидит тебя здесь, она жутко разозлится. Ты ведь должна жить в приемной семье. Ты не можешь просто… сбежать.

– Нет, могу. Если меня снова отправят туда, я опять сбегу. – Ее улыбка угасает. Я вижу в ее глазах холодную отстраненность, такую же, как видела тогда, в Вулфхантерской тюрьме. Ви – сложный человек. Я знаю, что ей пришлось как-то пережить смерть своей мамы, и она сделала это не самым лучшим образом, при помощи выпивки и наркотиков. Моя мать наверняка убьет меня, если я не скажу ей о том, что Ви была здесь.

Но я все еще не уверена, что скажу об этом.

– Возвращайся вечером, – говорю я Ви. – Может быть, я смогу постирать твои шмотки.

Понятия не имею, почему я это предлагаю, но я уже сказала это вслух, и теперь поздно брать свои слова обратно. А от улыбки Ви у меня все внутри тает.

Она целует меня. Это быстрый жаркий поцелуй, а потом она кувыркается за окно и вскакивает на ноги, словно акробатка. Едва коснувшись земли, пускается бежать. Я быстро закрываю окно и пытаюсь перевести дыхание. Мне кажется, что у меня жар.

Кто-то стучит в мою дверь. Я вздрагиваю, бросаюсь к двери и отпираю ее.

– Чего? – Я говорю сердито, но на самом деле я испугана. – Я уже встала!

Это мама, и вид у нее недовольный.

– Ты опять раскидала полотенца по полу в ванной, – говорит она. – Мне казалось, ты уже прошла этот период, Ланни. Иди и прибери за собой. Живо.

Я боялась, что она заметит Ви, убегающую от нашего дома, что каким-то образом узнает о случившемся, словно на лбу у меня горит неоновая вывеска. Но дело вовсе не в этом.

Я бегу в ванную комнату. Там царит хаос. Ви оставила бутылочки с шампунем в полном беспорядке, мокрые полотенца валяются на полу. Я собираю их и отношу в стирку, потом возвращаюсь и вытираю пролитый шампунь. К тому времени, как уборка заканчивается, ванная снова выглядит нормально, а я успокаиваюсь. Слегка.

– Извини, – говорю я маме, входя в кухню. – Наверное, когда мылась, я уже спала на ходу.

– Правда?

– Кажется, я вчера жутко устала.

Она не покупается на это – абсолютно.

«Я сказала Ви, чтобы она снова приходила».

О боже…

Из этого не выйдет ничего хорошего. Совсем ничего.

6. Гвен

Утром я официально документирую принятое решение: используя формат, одобренный властями штата Теннесси, пишу заявление о том, что забираю своих

детей с обучения в Нортонском независимом школьном округе и записываю их в Теннессийскую виртуальную академию. И Ланни, и Коннор, похоже, испытывают облегчение – как и я. Я отсылаю уведомление о том, что заберу содержимое их школьных шкафчиков позже – и на этом всё. Я думаю о том, чтобы позвонить риелтору, однако понимаю, что нужно это обдумать и обсудить с детьми. Решить все семейно. Мне хочется уехать из Стиллхауз-Лейк, но в последние несколько лет дети злились на то, что я убегаю от проблем. Я делала это, чтобы обеспечить им безопасность, однако я понимаю их обиду. Если мы на этот раз будем переезжать, мы должны решить это вместе.

Тем временем, хотя я и рада, что дети теперь в большей безопасности, однако это усложняет мою работу. Я намеревалась сегодня съездить в Ноксвилл и расспросить мать пропавшего парня, которого меня наняли найти. Хотя Ланни настаивает (конечно), что они с Коннором могут побыть одни, пока Сэм на работе, я на это не согласна. Так что сначала я позволяю им залогиниться в их новой виртуальной школе и получить задания, а потом велю сесть в машину.

Поедем вместе.

Они не в восторге, и это досадно, но понятно: оба они уже в том возрасте, когда все, чего я от них хочу, – это тяжкая обуза. Но я знаю, что на самом деле они вполне нормально к этому относятся, только притворяются, будто это не так. Ланни подавлена после своего странного утреннего поведения. Но когда мы садимся в мой внедорожник и выезжаем на шоссе – с пакетом пончиков, конечно же, – она слегка приободряется и загружает в аудиосистему свой любимый дорожный плейлист. Я позволяю, потому что это делает жизнь проще, а у моей дочери действительно неплохой вкус в том, что касается музыки.

Коннор спрашивает меня о деле, над которым я сейчас работаю.

– Это касается пропавшего студента колледжа, – говорю я ему. – Его зовут Реми.

– Его? – переспрашивает мой сын. – Я думал, пропадают только женщины.

Эта реплика тревожит меня, однако я понимаю, почему он так считает. Средства массовой информации широко освещают исключительно – почти исключительно – случаи пропажи детей, девушек-подростков и взрослых женщин. Предпочтительно белых и красивых. Редко увидишь, чтобы крупные СМИ

говорили об исчезновении цветной девушки в качестве заглавных новостей. И почти никогда не говорится об исчезновении молодых людей любой расы, хотя они тоже могут пропасть – и пропадают.

Коннору все еще любопытно.

– С ним что-нибудь случилось?

– Может быть. Однажды ночью он пошел гулять со своими друзьями и исчез.

– Может быть, он просто хотел скрыться, чтобы его не нашли?

– Студенты колледжа не сбегают, – говорит Ланни. – Они уже уехали из дома. Законно.

– Иногда они сбегают от других вещей, – возражаю я ей. – От жизни. От ответственности. От проблем в отношениях. А еще возможно, что он связался с дурной компанией, подсел на наркотики или сошел с ума. Мог произойти даже несчастный случай, хотя в таких обстоятельствах это маловероятно. Сейчас трудно что-то сказать. Вот почему я хочу поговорить с его мамой – чтобы получить более четкую картину того, каким он был и что с ним могло случиться.

– Можно пойти с тобой? – спрашивает Ланни. Моя дочь терпеть не может, когда ее оставляют за бортом, и я должна признать, что она показала себя способной справиться с серьезными вопросами. Но ее утреннее поведение тревожит меня. Я не знаю, что сейчас творится у нее в голове.

– Извини, но нет, я не могу вас взять, – отвечаю. – Я на работе, и вряд ли клиентка проникнется ко мне доверием, если я приведу вас с собой. Так что… я решила, что могу отвезти вас обоих в тот зиплайновый парк, который вам так понравился…

– «Навитат»? – Коннор опережает Ланни на пару секунд. – Клёво.

– Да, в «Навитат», и оставить вас там на час-другой. Потом я вас заберу. Ланни…

– Я отвечаю за себя и за него, – говорит она. – Можно подумать, я не в курсе.

Но она, похоже, довольна. Как и Коннор, если уж на то пошло. Мои дети в последнее время стали ближе, так же как до этого отдалялись друг от друга. И оба регулярно давят на меня, пытаясь получить немного больше самостоятельности. «Навитат» – безопасное место с хорошей охраной, и уж настолько-то я могу им доверять.

Но не хочу.

«Это всего на пару часов», – говорю я себе, пытаясь не думать обо всех тех людях, которые рады были бы напугать, ранить или даже убить моих детей. Помимо обычных охотников за детьми, есть и более личные враги, которые ухватятся за любой шанс «отомстить» – их слова, не мои – за жертв Мэлвина Ройяла посредством убийства его родных. У некоторых из них хотя бы есть какой-то повод для таких чувств – эти люди потеряли тех, кого любили. Большинство же просто ищет предлог для оправдания своей неизменной и неудержимой ненависти.

Но мои дети уже в таком возрасте, когда малая толика свободы может помочь им почувствовать себя более уверенными в собственных силах. Это часть взросления.

Как бы ненавистно мне это ни было.

Мы въезжаем в Ноксвилл. Это интересное место. Зимы здесь бывают холодными, но снег, как правило, выпадает редко. Куда больше проблем доставляет лед. Сегодня приятный солнечный день, температура воздуха чуть ниже семидесяти градусов [4 - По Фаренгейту. По Цельсию это около 20? тепла.], и солнечные лучи окутывают город сиянием, которого он не очень-то заслуживает.

Для вполне типичного во всем остальном небольшого южного города здесь попадается много по-настоящему жестоких убийц. Пока мы едем по городу, я начинаю опознавать места, где были найдены трупы, совершены преступления, схвачены убийцы. Не то чтобы я хотела знать подобные вещи, у меня просто нет особого выбора. После Мэлвина, после того, как он похищал девушек и убивал их в гараже того самого дома, где мы жили все вместе… мне нужно было понять, почему он был таким, каким был. Поэтому я долго и глубоко заглядывала в невероятно темную бездну. Не могу сказать, что от этого стала умнее, но это в какой-то мере помогло мне… осознать.

Ноксвилл – и в еще большей степени Нэшвилл – всегда будут таить тьму под этим блеском, по крайней мере, для меня.

По счастью, парк «Навитат» – который специализируется на природных тропах и зиплайновых аттракционах – не имеет практически никакого отношения к этим ужасным историям, он хорошо охраняется и поддерживается в ухоженном состоянии. Я выдаю Ланни и Коннору деньги на расходы и заставляю их пообещать, что они ни на миг не выпустят друг друга из поля зрения, потом коротко опрашиваю их о протоколе действий в чрезвычайной ситуации. Они знают, что делать. Кричать и бежать. Вызывать экстренные службы по мобильным телефонам. Привлечь внимание и получить помощь. Не оставаться в одиночестве. Я постоянно твержу это, хотя знаю, что дети всегда найдут повод и способ нарушить правила и рискнуть. Если я смогу заставить их хотя бы на секунду задуматься и поколебаться, это будет все, что мне нужно.

– Тревожные кнопки? – спрашиваю я. Оба показывают мне свои брелоки. Эти кнопки включают сигнал тревоги на моем телефоне и душераздирающий звук сирены, который я надеюсь больше никогда не услышать в реальности. – Хорошо. Берегите себя, будьте умницами, будьте…

– Осторожны, да, мы знаем, – подхватывает Коннор и вылезает из внедорожника. Потом снова заглядывает в салон. – Спасибо, мам.

– Я вас люблю.

Он просто кивает. Говорить ответные слова в таком возрасте кажется несолидным. Но это неважно. Я знаю, что он тоже меня любит.

Ланни быстро обнимает меня и спустя секунду уже выпрыгивает из машины.

Я медлю у тротуара, наблюдая, как они проходят через охраняемую калитку с рамкой досмотра, а потом проверяю адрес матери Реми.

В пятнадцати минутах отсюда.

Еду в указанную сторону – и обнаруживаю, что проезжаю уже не пригороды, где обитает средний класс, а оживленные улицы, застроенные многоквартирными

домами. Я знаю, что мать Реми переехала в Ноксвилл, но это место мало подходит для женщины средних лет. Практически все, кого я вижу, моложе тридцати лет. Большинство тащит на спине рюкзаки с книгами и ноутбуками – похоже, идут на занятия в университет или, наоборот, с занятий.

И тогда до меня доходит. «Она живет в прежней квартире своего сына». Он исчез уже три года назад, а она платит за аренду и… ждет. Я заставляю себя сделать вдох. Думаю о том, что я делала бы в такой ситуации, после того как полиция признала дело безнадежным. Если б Коннор исчез и я не смогла бы найти его, сумела бы я бросить то место, которое он называл своим домом?

Нет. Это было бы все равно что бросить его самого.

По указанному адресу расположен неприметный жилой массив, который буквально вопиет о том, что был построен в восьмидесятые годы – но, по крайней мере, его регулярно ремонтируют и подкрашивают. Мне нужна квартира номер 303.

Я паркую машину и поднимаюсь по лестнице. Кто-то поставил на площадке второго этажа, залитой солнцем, пышный папоротник в горшке, и приятный аромат влажной земли заглушает слабый запах пыли, возраста и подгнившего дерева.

Я стучусь в выцветшую коричневую дверь, к которой привинчен потускневший медный номер 303.

– Кто там? – В глазке появляется чья-то тень.

– Гвен Проктор. Я работаю на Джи Би Холл. Насколько я знаю, она уже связывалась с вами, чтобы уведомить о моем приезде. Я – частный детектив, – отвечаю я. – Я хотела бы поговорить с вами о вашем сыне, Реми.

Я говорю все это напрямую, без лишней деликатности. Через несколько секунд она чуть-чуть приоткрывает дверь и спрашивает:

– У вас есть документы?

Я молча достаю бумажник и показываю свое удостоверение частного детектива и права с фотографией. Она открывает дверь полностью, отходит назад, и я переступаю порог.

Это все равно что войти в гробницу, в которой кто-то живет. Все выглядит обычно: лампы горят, жалюзи открыты. Но здесь везде сохранился отпечаток стиля молодого парня: от спортивных плакатов на стене (в основном европейский футбол) до дивана с потертой клетчатой обивкой, который большинство женщин отправили бы прямиком на помойку. Игровая консоль рядом с большим телевизором. Два контроллера в идеальном порядке расположены на кофейном столике – словно памятники. На спинке компьютерного кресла до сих пор висит толстовка с капюшоном, поблизости от кресла стоит пара кожаных кроссовок.

Как будто он только что был здесь. Просто вышел, поставив жизнь на паузу, точно игру.

И здесь совершенно не к месту женщина, стоящая передо мной. Она старше меня по крайней мере на десять лет, но выглядит даже старше своего реального возраста. Есть в ней некая неопределенная серость, как будто это она – призрак, обитающий в этой квартире, а вовсе не ее сын. Она одета в простые черные брюки и в мягкий пуловер с символом Теннессийского университета. Пуловер ей слегка велик, и я гадаю, не принадлежит ли… не принадлежал ли он Реми. Эта мысль вызывает у меня печаль и некоторую настороженность.

– Меня зовут Рут, – представляется она и протягивает мне руку. – Рут Лэндри. – В ее речи звучит легкий каджунский [5 - Каджуны – своеобразная по культуре и происхождению субэтническая группа, представленная преимущественно в южной части штата Луизиана, а также в прилегающих округах Южного Техаса и Миссисипи. По происхождению каджуны – одна из групп франкоканадцев, а точнее, акадийцев, депортированных британцами из Акадии в 1755–1763 гг.] акцент, но я не думаю, что она родилась в этой этнической среде – скорее, вошла в нее посредством замужества. – Спасибо за то, что взялись расследовать это дело, миссис Проктор.

Не знаю, почему она предположила, будто я «миссис», однако поправляю ее быстро и четко:

– Мисс Проктор. Или просто Гвен, если хотите, – говорю я, смягчая свои слова улыбкой. – Я уже довольно давно не «миссис» и предпочитаю, чтобы ко мне обращались так.

– А, понятно, – отзывается она, явно не совсем понимая, что сказать дальше. Я осознаю?, что мое имя ей действительно ничего не говорит. Должно быть, она прежде жила в уютном мирке, где с хорошими людьми случаются только хорошие вещи – до тех пор, пока исчезновение ее сына с неожиданной жестокостью не выбросило ее в реальный мир.

Я искренне признательна за то, что для нее я – просто обычный человек. И мне грустно от того, что такое случается нечасто.

– Я приехала, чтобы расспросить вас о вашем сыне, – говорю я, и женщина кивает. Она, похоже, испытывает неловкость и замешательство, точно совсем забыла, как разговаривать с посторонними. – Могу ли я попросить у вас стакан воды, мэм?

Это дает ей возможность заняться хоть чем-нибудь, и пока она наполняет стакан, я внимательнее осматриваюсь по сторонам.

Однако это не дает мне практически ничего, помимо того, что я уже знаю.

Рут протягивает мне стакан – по внешней поверхности сползают капли, похожие на алмазы, – и я беру его и пью. У воды неожиданно химический привкус. Я привыкла к чистой природной воде – в Нортоне и поселении Стиллхауз-Лейк вода очень вкусная. А городская вода… нет. Я отпиваю пару глотков, потом нахожу подставку, на которую можно поставить стакан, и Рут жестом приглашает меня сесть. Я занимаю компьютерное кресло, а она усаживается на кушетку. Странное ощущение – как будто Реми сидит в этом кресле вместе со мной. Оно удобное, с небольшими вмятинами на сиденье и спинке. Я могу представить, как он сидит здесь… хотя нет, погодите, я действительно видела его сидящим в этом самом кресле. Фотографии в соцсетях – он сидит, забросив длинные ноги на кофейный столик, в руках у него игровой контроллер.

Я подаюсь вперед, не желая погружаться в эту печаль, и достаю свой телефон.

– Миссис Лэндри, вы не против, если я буду записывать наш разговор? Мне будет проще сосредоточиться и слушать, если не придется делать заметки.

– Конечно, как угодно, – отвечает она, и я верю ей. В ее глазах горит лихорадочная надежда. Я первая, кто пришел сюда за долгое время и попросил рассказать о ее сыне, хотя бы ненадолго воплотить его в реальность. – С чего мне начать?

– Давайте начнем с последнего раза, когда вы с ним разговаривали, – отвечаю я и вижу, как женщина слегка вздрагивает. Похоже, задето чувствительное место. Она опускает взгляд. Лицо у нее поблекшее, здоровый луизианский загар уже давно сменился бледностью. Кожа сухая и неухоженная, как и волосы Рут. Я не критикую ее, даже мысленно, – просто подмечаю детали. Я видела ее фотографии, сделанные до исчезновения Реми; судя по ним, она заботилась о том, как выглядит, для нее это было предметом гордости. Но сейчас она отказалась от всего этого, не желая впустую тратить силы.

– Это был не особо приятный разговор, – говорит миссис Лэндри. – Мне жаль… впрочем, сожаления тут не помогут, верно? – Я не отвечаю, и она поспешно продолжает: – Мой Реми был хорошим мальчиком, просто… вы понимаете, он больше не хотел слушаться свою маму. Я не могу винить его. Он вырос и считал, будто сам все знает.

Я жду. Она к чему-то явно клонит. И конечно же, в конце концов выпаливает:

– Боюсь, мы немного поругались с ним.

– Из-за чего? – спрашиваю я.

– Из-за девушки, которая ему нравилась.

– Как ее звали?

– Кэрол. Откуда-то с севера. – Рут машет рукой, обозначая север в целом. – Из городских.

Я не говорю ей, что она сама сейчас живет в городе. Просто киваю.

– Понятно. Вы когда-нибудь встречались с этой Кэрол?

– Нет. Он просто иногда говорил о ней. Он сказал, что собирается помочь ей. Мне казалось, что это плохая идея – похоже было, что она какая-то неприкаянная, перекати-поле. И очень религиозная.

– Она была его девушкой? Они встречались?

– Нет. Он сказал, что она – просто друг, которому нужна помощь. Но я не знаю, было ли это истинной правдой. Он встречался с девушкой по имени Карен Форбс, она была милой, но, по-моему, нравилась ему куда больше, чем он ей. Она училась на первом курсе в том же университете. Кажется, на факультете биологии. Очень умная девушка.

– Вы не знаете фамилию Кэрол?

– Нет, он никогда не говорил, а поскольку она не была его девушкой, я и не расспрашивала.

– У вас есть ее фотографии или, может быть, какие-нибудь контакты Карен Форбс, которые вы мне можете дать?

– Я поищу. – Рут встает и поспешно уходит в соседнюю комнату – предполагаю, там спальня. «Она спит в его кровати. Носит его одежду». Черт. Это плохой признак, и я гадаю, знает ли ее муж о том, какой глубины достигла одержимость его жены. Но я здесь не для того, чтобы изображать психотерапевта. Я здесь для того, чтобы найти ее сына, и если я хоть что-то поняла относительно Рут Лэндри – так это то, что лекарством для нее может стать лишь ответ на вопрос о том, что случилось с ее сыном, жив он или мертв. Это подвешенное состояние – просто ад при жизни.

Она возвращается с фотографией в рамке: Реми, с беспечной улыбкой, одной рукой обнимает девушку. Девушка белокурая, высокая, фигуристая, улыбка у нее – словно с обложки журнала. Жизнерадостная красавица. Помимо этого, снимок ничего не говорит мне о ней, но я беру его, кладу на кофейный столик и переснимаю для протокола. Потом переворачиваю рамку и достаю фото, надеясь, что на обратной стороне что-нибудь написано, – но там лишь гладкая фотобумага. Снова вкладываю фото в рамку и протягиваю его Рут. Она ставит

снимок на кофейный столик и неотрывно смотрит на сына. Затем говорит:

– Он был очень серьезно настроен на ее счет. Серьезнее, чем это бывает в его возрасте. Я хотела, чтобы он вернулся домой. Его отец хотел, чтобы Реми унаследовал и возглавил его бизнес. Но его все это просто не интересовало. По-моему, он собирался сделать Карен предложение. Но я не знаю, согласилась бы она или нет, а если согласилась бы, то неизвестно, стал бы их брак долгим.

– Какой бизнес у вашего мужа? – спрашиваю я ее. Вероятно, это есть в протоколах, но мне нужно что-то, способное заставить ее пошевелиться. Сейчас она словно не может оторвать взгляд от лица сына на фотографии.

– Машины, – отвечает Рут. – Мы – основной поставщик машин в нашем районе. И еще лодок и катеров. Еще есть несколько автофургонов, хотя по большей части уже подержанных.

Я киваю. Судя по всему, она уже довольно давно живет здесь, в этой квартире, а не в своем прежнем доме, так что местоимение «мы» в данном случае следует понимать как «мой муж». А сама Рут сейчас занята тем, что присматривает за этой квартирой-склепом.

– Хорошо. Спасибо вам, это очень полезные сведения. Теперь давайте еще немного поговорим о Реми, если вы не против… Ваш с ним последний разговор касался этой Кэрол, верно?

– Спор, – поправляет она. – Но – да, более или менее так. Мне не нравилось, что рядом с ним находится кто-то, у кого такие большие неприятности, как у Кэрол.

– Какого рода неприятности?

Она качает головой.

– На самом деле я не знаю. Он не сообщал мне никаких подробностей, а когда я пыталась вызнать, резко обрывал меня. Потом мы поругались из-за того, что он хотел провести День благодарения с Карен и ее семьей, вы можете вообще это представить? В Коннектикуте! Я уперлась и сказала: «Нет, Реми, ты должен приехать домой. Пусть эта девушка празднует со своей семьей, а ты – со своей».

Ему это не понравилось, но он сказал, что подумает об этом. – Ее глаза наполняются блестящими слезами, на щеках появляются красные пятна от усилий сдержать скорбь. Голос Рут начинает дрожать. – День благодарения был через неделю после этого разговора. Я уже планировала, что подам на стол. Он сказал, чтобы я делала все так, как мне захочется, пока он обдумывает этот вопрос, и я так и сделала. Даже после того, как не смогла связаться с ним, чтобы убедиться, что он приедет, я продолжала готовить ужин. Думала, он просто явится домой. Или хотя бы позвонит. Но мы сидели за столом и просто…

Голос ее прерывается. Я мысленно вижу эту картину – семья собралась за столом, одно место пустует, еда стынет на блюдах, а они сидят и ждут, и ждут, пока не становится ясно: никакого чуда на День благодарения не случится, Реми не постучится в дверь, и не одарит их беспечной, великолепной улыбкой, и не скажет: «Извините, что заставил вас волноваться».

Я кладу на столик перед Рут пачку бумажных платков; она набирает сразу несколько и прижимает их к лицу, всхлипывая. Ей требуется некоторое время, чтобы справиться с собой, и я жду, ощущая запах какой-то выпечки. Я думаю, что он, возможно, доносится из соседней квартиры, но тут на кухне звякает таймер, Рут подскакивает и ахает, роняя платочки на кофейный столик.

Она идет в кухню. Я следую за ней и стою в дверях, глядя, как она надевает рукавицы-прихватки и достает из духовки противень. Поставив его на плиту, горько улыбается.

– Шоколадное печенье с арахисовым маслом, – поясняет она. – Реми любит его. – Она перемещает противень на кухонный столик под окно, сдвигает раму, и я ощущаю веяние прохладного ветерка. – Хотите попробовать?

– Конечно, – отвечаю я.

Рут ловко перемещает одно печенье с противня на тарелочку и протягивает мне.

– Кофе?

Я киваю, и она наливает мне чашку кофе из кофейника-термоса. Мы садимся за маленький кухонный столик, где едва помещаются две чашки кофе и два блюдечка с печеньем, и Рут говорит:

– Сейчас я пеку их каждую неделю. А когда только приехала сюда – каждый день. Я все еще думаю… все еще думаю, что если он почувствует запах свежего печенья, то может вернуться домой. Я открываю окно, чтобы он учуял этот запах, где бы он ни был. Я знаю, что нужно перестать это делать, но не могу. Глупо, да?

Я откусываю кусочек печенья.

– Очень вкусно, – говорю. – И нет, это совсем не глупо. Может быть, продиктовано отчаянием и болью, но это нормально, Рут. Вам нужна хоть какая-то надежда.

– Да, нужна… – Она делает глубокий вдох и отпивает глоток кофе, явно стараясь успокоиться. – Вы считаете, что он мертв, мисс Проктор?

– Не знаю, – говорю я ей, и это правда, но далеко не вся правда. – Сейчас я намереваюсь начать с нуля и проверить абсолютно все. Полиция хорошо это умеет, но у них множество разных приоритетов, множество различных дел на руках. Не то чтобы они не пытались, но когда след остывает, им нужно переходить к другому расследованию для другой семьи, пока еще можно уложиться в критически важные сроки. Мы можем сделать больше – но лишь потому, что в состоянии посвятить больше времени вашему конкретному случаю. И обещаю: я сделаю все, что в моих силах.

Теперь Рут смотрит на меня как-то странно. Слегка хмурится, в ее взгляде появляется напряженность, означающая, что она рассматривает меня как личность, а не как некий набор функций.

– Вы выглядите как-то знакомо. Мы не встречались раньше? – спрашивает она.

– Никогда, – заверяю я ее. Я знаю, к чему это ведет, но не хочу помогать ей в этом. Откусываю еще кусочек скорбного печенья. – Рут, сейчас речь не обо мне. У Реми была машина?

– Машина?.. Да. Она здесь, в гараже этого жилого комплекса. Полиция проверила ее, но ничего не нашла. В ту ночь он не садился за руль.

– Понятно. С кем он пошел гулять?

Она перечисляет имена без запинки, словно знает этих людей всю жизнь. Это что-то вроде мантры для нее. Я удостоверяюсь, что все эти имена попали на запись, однако, похоже, перечень точно тот же, что и в протоколе. Мне просто нужно было убедиться.

– В последние недели перед своим исчезновением Реми упоминал о каких-нибудь странных происшествиях? – спрашиваю я. – Телефонных звонках, письмах, необычных сообщениях в соцсетях?

– Нет, ничего. У него сохранились кое-какие старые письма и открытки от друзей и подруг. Вы хотите их увидеть?

– Да, – отвечаю я. – Я просто их сфотографирую, так что сами эти письма останутся у вас. И мне нужно узнать как можно больше об этой девушке, Кэрол, которой он помогал.

Рут кивает, но я вижу, что она все еще думает не о своем сыне, а обо мне. Может быть, так и лучше. Не знаю.

– Я точно знаю, что где-то видела вас, – говорит она и качает головой. – Что ж, давайте я принесу вам эти письма.

Встает, и я следую ее примеру.

– Вы не против, если я осмотрю тут всё? – спрашиваю. – Просто на всякий случай.

– Да, конечно, приступайте.

Я беру свой кофе с собой – он свежий и вкусный, а я давно уже усвоила, что с кофе жизнь лучше, чем без него. Прихлебывая напиток, для начала осматриваю гостиную. Реми не особо увлекался чтением, но спорт он любил. На книжной полке стоят в основном учебники, несколько книг для подростков и биографии спортсменов. Я рассеянно пролистываю их и нахожу пару записок, использованных как закладки, однако они кажутся совершенно неважными. Тем не менее я фотографирую их.

Когда Рут возвращается с письмами, я делаю фотографии самих писем и конвертов, но не читаю их: делать это на глазах у Рут было бы слишком большим вторжением в личное. Я могу изучить их позже.

Направляюсь в спальню и без малейшего удивления отмечаю, что вместо кровати Реми спал на японском матраце-футоне.

Здесь сильнее чувствуется присутствие Рут, как я и предполагала: ее книга на прикроватной тумбочке, ее крем для рук, ее одежда, висящая в шкафу по соседству с вещами сына. Я сдвигаю «плечики» с ее вещами в сторону и смотрю на то, что осталось. Джинсы, футболки, пара спортивных курток, один хороший костюм – вероятно, для официальных мероприятий. На полу гардероба стоит пара «вьетнамок» и пара ботинок со шнурками – полагаю, Реми носил эти ботинки с костюмом. Учитывая, что его кроссовки так и валяются возле дивана, интересно, что за обувь была на нем во время исчезновения?

В коробке на полке я обнаруживаю секс-игрушки. Относительно небольшая коллекция, ничего особо радикального. Наручники в пушистой оплетке, кляп. Пара вибраторов, которые, должно быть, нравились его девушкам.

Я кладу все это обратно туда, где нашла, и двигаюсь дальше.

Просматриваю аптечку Реми, когда от дверей комнаты раздается голос Рут:

– Я вас действительно знаю.

В ее голосе звучат совершенно новые интонации, и мне они хорошо знакомы. Я фотографирую содержимое аптечного шкафчика, а потом произношу:

– Вот как?

– Вы – жена того убийцы.

– Уже нет, – возражаю я. – Я развелась с ним. А потом убила его, защищая свою жизнь. – Закрываю дверцу и поворачиваюсь лицом к Рут. – А еще я пытаюсь помочь вам.

– Мне не нужна ваша помощь, – отвечает она. Теперь от уголков ее губ книзу пролегают жесткие складки, скорбь сменяется приглушенной злостью. Она ненавидит меня за то, что я связана с маньяком. Напоминание о том, что не все работает в нашу пользу.

Пытаясь сдержать вздох, я говорю:

– Миссис Лэндри, вы вполне можете попросить Джи Би назначить вам другого детектива, но я живу ближе всего и, говоря прямо, имею куда лучшее представление о том, что вам пришлось испытать, хотя вы и не понимаете этого.

– Только потому, что ваш муж похищал девушек, отрывая их от родных, вы полагаете, будто можете понять, каково это?

– Нет, – тихо отвечаю я. – Я понимаю это, потому что мои собственные дети постоянно под угрозой. Рут… моих детей уже похищали, и мне казалось, что я не переживу этого. Слава богу, я смогла их вернуть, но те часы, когда их не было рядом со мной, показались мне вечностью. Я на вашей стороне. Пожалуйста, позвольте мне помочь вам.

Ей это не нравится. Она боится того насилия, которое окружало меня – и по-прежнему окружает. И, может быть, она права, что боится, но ей нужна хоть какая-то уверенность.

Никто другой не воспримет это дело так серьезно, как воспринимаю я.

Рут медлит, потом наконец скованно кивает.

– Вы получили всё, что вам нужно? – спрашивает она, подразумевая, что лучше б так и было.

– Да, – отвечаю. – Но я хотела бы еще побеседовать с вашим мужем…

– Если вам удастся добиться этого от него, я буду удивлена, – прерывает она. – Джо не любит говорить о Реми. Он не может принять тот факт, что наш сын пропал.

Слыша слово «пропал», я инстинктивно понимаю, что какой-то частью своего разума Рут смирилась с наиболее вероятной истиной: ее сын мертв, и никакие отчаянные старания матери не смогут вернуть его. Однако, осознав собственные слова, она мгновенно отвергает эту истину. – Я знаю, что он вернется, – заявляет Рут, вскинув голову, словно ожидая, что я буду возражать.

Но я не возражаю. Эта хрупкая, напуганная женщина цепляется за ложь, которую твердит себе, но я не стану разбивать ее сердце. По крайней мере, пока не удостоверюсь, что это неизбежно. Говорю лишь:

– Спасибо за помощь, миссис Лэндри. Я свяжусь с вами, как только что-нибудь узнаю.

Она не хочет ничего отвечать; теперь между нами стоит мое прошлое и моя скандальная известность. Но в конце концов говорит:

– Пожалуйста, найдите его для меня. Прошу вас.

Я не обещаю этого. Просто не могу.

Но мне тяжело – я вижу в ее глазах отчаяние и ужас. Она живет в кошмаре, однако притворяется, будто все… нормально. Я много лет жила с Мэлвином, старалась угождать ему, притворялась, будто все хорошо. Притворялась так старательно, что думала, будто все действительно в порядке. Все изменилось в тот день, когда пьяный водитель проломил стену нашего гаража и вскрыл все жуткие, злые тайны Мэлвина. Вид той несчастной мертвой девушки – сестры Сэма – будет преследовать меня вечно.

Понимание того, что будь я более любопытной, то, возможно, смогла бы что-нибудь сделать… это еще хуже. И я сделаю все, что смогу, чтобы наконец прервать кошмар Рут Лэндри – тем или иным путем. Может быть, я делаю это для нее. Может быть, для себя.

Но, так или иначе, я взялась за это.

7. Гвен

Я жду на стоянке возле «Навитата», пока дети закончат последнюю пробежку по зиплайну, и пытаюсь сосредоточиться на деле Реми и на уликах. Но не могу отделаться от жуткой картины жизни Рут Лэндри. Она печет печенье, которое никто не ест. Умоляет призрак вернуться домой.

Не знаю, какой я стала бы, если б потеряла Коннора и Ланни.

Просматриваю результат в сделанном на заказ приложении, которое финансировала Джи Би Холл – оно похоже на прокачанный «Гугл» и используется исключительно для поиска следов людей по их именам или другим отличительным признакам, – когда Коннор и Ланни загружаются в машину, говоря одновременно и перебивая друг друга:

– Мам, это было круто, тебе надо было пойти с нами, это совсем несложные…

– Ты нашла, куда он подевался? Что с ним случилось? – Голос Коннора заглушает восторги сестры. Ланни бросает на него сердитый взгляд.

– По-твоему, она могла распутать дело всего за два часа?

– Но это же мама!

Я смеюсь, наблюдая, как они пристегиваются ремнями безопасности.

– Твоя уверенность мне льстит, Коннор. Но твоя сестра права. Боюсь, это займет довольно много времени.

– Да? Значит, мы поедем куда-нибудь еще? – Мой сын, похоже, очень заинтригован такой возможностью. – Мы можем помочь тебе.

– Нет, – говорю я ему. – Когда мы приедем домой, я просто сделаю несколько звонков. В основном буду назначать встречи и убеждать людей поговорить со мной. Честно сказать, это скучно.

Он не верит мне, как и Ланни, но спустя несколько минут они затевают ссору между собой. Похоже, Коннору показалось, будто Ланни понравилась какая-то

девушка, которую они увидели на зиплайне, и считает своим долгом поддразнить ее. Я почти не вмешиваюсь в их перебранку. Он дразнит ее не потому, что она лесбиянка, – он точно так же посмеивался над нею, будь она парнем, засматривающимся на девушек.

Ланни возражает, что ничего такого не было. Они недовольно замолкают, когда я наконец велю им прекратить ругаться – и это молчание висит между ними всю оставшуюся дорогу до дома.

– Так вот, – говорю я, когда мы сворачиваем на подъездную дорогу. – Я хочу, чтобы вы собрались и занялись своими уроками. Сегодня вечером я проверю, как вы сделали задание…

Я обрываю реплику, увидев незнакомый автомобиль, припаркованный возле нашего дома. Большой, грязный пикап, облепленный эмблемами Национальной стрелковой ассоциации и наклейками в виде американского флага. И все это поверх тускло-зеленой камуфляжной расцветки.

Я останавливаю наш внедорожник на полпути и жду, что будет дальше. Ланни и Коннор тоже не произносят ни слова – они заметили чужое присутствие. Я чувствую, как Ланни подается ближе к лобовому стеклу, но не оглядываюсь назад.

– Кто это? – спрашивает она.

– Не знаю, – отвечаю я. Свернув на парковку, оставляю двигатель включенным. В мозгу у меня проносятся миллионы вариантов – преследователи, интернет-тролли, регулярно присылающие письма с угрозами убийства… – Я пойду и узнаю, Ланни, а ты садись за руль. Если что-то пойдет не так, съезжай задним ходом на дорогу и гони прямиком в Нортон, в полицейский участок. Коннор, если Ланни переключит машину на заднюю передачу, сразу же звони «девять-один-один». Не ждите меня, что бы вы ни увидели. Понятно? Все знают, что делать?

Мои дети кивают, но я вижу взгляд Коннора. Он снова испуган. Это еще одно травмирующее событие… как вчерашние учения.

– Коннор, – говорю я, и он моргает. – Всё в порядке. Дыши и веди отсчет. Делай то, что скажет Ланни. Ты справишься. Я в тебя верю. – Этого недостаточно,

далеко не достаточно, но на большее у меня нет времени. Приходится лишь надеяться, что он сумеет это выдержать.

Я выхожу из внедорожника, и Ланни перебирается на переднее сиденье. Она запирает дверцы даже без моей подсказки. Мне сейчас нужно сосредоточиться на том, что впереди меня, а не позади.

Я иду вверх по подъездной дорожке, под ногами хрустит гравий. Две дверцы пикапа распахиваются с ржавым скрипом. Из одной вылезает пожилой белый мужчина в выцветшем, потертом комбинезоне и фланелевой рубашке. Оружия при нем не видно, лицо заросло густой колючей бородой.

С другой стороны из пикапа выходит женщина – высокая, крепкого сложения, одетая в футболку с изображением американского флага и джинсы – настолько застиранные, что их цвет почти невозможно разобрать. У нее редкие полуседые волосы, бледное лицо – обвисшее, в морщинах, а в руках у нее… накрытое крышкой блюдо для запеканки.

Я убираю руку с пистолета, спрятанного под курткой.

– Мэм, – говорит мужчина и касается пальцами козырька своей бейсболки; если на ней и есть какой-то логотип, он погребен глубоко под слоем застарелой грязи и смазки. – Извините, что побеспокоили вас, но мы решили, что должны возместить вам…

– Возместить? – переспрашиваю я, пытаясь понять, кто они такие. – Извините, но мы с вами, кажется, незнакомы. Может быть, вы ошиблись адресом…

– Вы Гвен Проктор, – говорит женщина. Она улыбается, и это выглядит пугающе дружелюбно. – Наш мальчик случайно прострелил окно вашей машины. Столько шума… он просто охотился на белок и промазал, попал прямо в это стекло… Он очень извиняется за это. Мы с радостью заплатим за ремонт.

– Ваш мальчик? – Все это выглядит очень странно. Да, это Юг, и люди здесь обычно дружат с соседями. Но не со мной – я во всем округе считаюсь парией.

– А, да… как грубо с нашей стороны, мы же не представились, дураки, – говорит мужчина и делает шаг вперед, протягивая широкую ладонь. – Я – Джаспер Бельден.

Джаспер Бельден. Некоронованный король наркобизнеса в этом округе. Глава раскидистого фамильного древа, которое включает в себя несколько родственников, отслуживших в армии и способных без колебаний убить кого-нибудь. Я никогда прежде не встречала этого человека и даже не видела его фотографий. Сэм, к несчастью, встречался с одним из его сыновей. Это столкновение послужило началом странной междоусобной войны. Занятно думать, что в кои-то веки мое прошлое тут ни при чем – причиной стала драка между Сэмом и пьяным уродом, буянившим в местном тире.

Я пожимаю руку Бельдену, поскольку выбора у меня нет. Рукопожатие у него твердое и деловое. Надеюсь, у меня такое же.

– Рада знакомству, мистер Бельден.

– О, не надо называть меня «мистером». Вполне подойдет просто «Джаспер». А это моя прекрасная супруга, Лила. Что у тебя в кастрюле, Лила?

– Мясной рулет по-теннессийски, такой же, как когда-то пекла матушка, – отвечает она. – Свинью мы выращивали сами, а вместо хлебных крошек используем овсяные хлопья – это наш секрет, придает рулету особую мягкость… Надеюсь, ваша семья примет это в знак мира, миссис Проктор.

Мой первый рефлекс – поправить ее, сказав, что ко мне обращаются «мисс», но я подавляю этот рефлекс. Я не понимаю, что здесь происходит. Они кажутся просто невероятно искренними и дружелюбными, но это совершенно не в натуре Бельденов, и я это знаю. Они закоренелые преступники.

И они принесли нам мясной рулет.

– Спасибо, – говорю я и беру у Лилы тяжелое блюдо с крышкой. При близком рассмотрении становится понятно, что образ доброй пожилой женщины – это маска; взгляд у Лилы слишком острый и бесстрастный.

Из-под крышки пахнет шалфеем и терпким соусом. Наверняка рулет окажется очень вкусным.

– Я скажу моему партнеру, Сэму, о том, что вы заезжали, – говорю я им, и от меня не ускользает мимолетный промельк гнева, искажающий милую улыбку Джаспера Бельдена – словно треск статики в радиосигнале. – Ему будет жаль, что он разминулся с вами.

– Нам тоже очень жаль, что мы совершили такой промах, – отзывается Лила, и я отчетливо слышу в ее словах двойной смысл. Хотела бы я быть с ними враждебной и злой, но сейчас не время. Они разыгрывают представление, и мне нужно понять зачем.

И кроме того, они очень эффективно связали мне руки, сунув в них проклятое блюдо.

Я понимаю, что каковы бы ни были их намерения, эти намерения заключаются совсем не в том, чтобы угостить нас мясным рулетом. Бельдены хотят поговорить. Рулет – это съедобный эквивалент белого флага переговоров, и я должна признать: мне любопытно, чего же они хотят на самом деле. Поэтому я машу рукой детям, давая понять, что всё в порядке, потом иду к двери и открываю ее, отключаю сигнализацию, ухитряясь не уронить блюдо, и посылаю Бельденам свою самую лучезарную улыбку.

– Могу я пригласить вас на кофе?

– Что ж, – отвечает Джаспер, – я никогда не отказываюсь от хорошего кофе. Ты ведь не против, да, мамочка?

«Мамочка». Меня слегка передергивает. Я могла бы принять подарок и отправить их своей дорогой, но южные правила вежливости требуют обратного, и, судя по тому, что Бельден сразу же согласился, он именно этого и ожидал.

Ланни подводит внедорожник к дому и паркуется возле большого грязного пикапа. Они с Коннором выходят наружу и направляются в дом. Ставя форму на кухонную стойку, я вижу взгляд, которым обмениваются Бельдены, когда мои дети входят в дверь. Зловеще-бесстрастный взгляд – словно два робота обмениваются информацией. Потом Бельдены снова улыбаются, и Джаспер с

добродушным смешком спрашивает:

– Ну-ну, и кто же эти милые детки?

Они не спешат представляться и смотрят на меня.

– Моя дочь, Ланни, и мой сын, Коннор, – говорю я. – Поздоровайтесь, дети.

– Здравствуйте, – говорят они в один голос, но без малейшего энтузиазма. Ланни смотрит на меня явно вопросительно: «Ты в порядке?» Честно сказать, я не знаю ответ, но в одном уверена совершенно точно: я не хочу их в это вмешивать. Коннор старательно сохраняет безэмоциональное выражение лица, но я хорошо помню, как он отреагировал на прошлый кризис.

– Дети, вам лучше пойти к себе и заняться уроками, – говорю я им. – На сегодня у вас по плану четыре часа учебного времени.

– Да, мама, – отвечает Ланни; кажется, я никогда еще не получала от нее согласия так легко.

Коннор идет за ней в ее комнату, дверь за ними закрывается. Я не слышу, но представляю, как они яростно перешептываются, пытаясь понять, что им делать. Надеюсь, Ланни придет к выводу, что не нужно делать ничего – по крайней мере, пока не будет никаких явных признаков неприятностей. А потом, если что-то случится, я надеюсь, что она схватит брата, выскочит в окно и помчится к нашему внедорожнику. Я отметила, что ключи она оставила при себе. Умная девочка.

Как только дверь закрывается, я включаю кофеварку. Горячая жидкость может быть оружием. Я ставлю на стойку чашки, которые можно разбить на кусочки, способные резать плоть и веревки. Когда ты боишься за свою жизнь, тебе может пригодиться всё, что есть под рукой. Абсолютно всё.

И всё это выглядит совершенно нормально. Бельдены сидят в нашей гостиной, словно мины-ловушки, способные сработать в любой момент, и я это знаю, но я делаю кофе, разливаю его в две вместительные чашки и ставлю на маленький поднос вместе с сахаром и сливками. Сажусь в кресло поближе к двери и

наблюдаю, как Бельдены кладут в свой кофе добавки – она берет сливки и сахар, он только сахар – и оценивающе облизывают губы.

– Извините, к кофе у меня ничего нет, – говорю. – Я не ждала гостей. По крайней мере, не настолько вежливых. Я ожидала чего-то более прямолинейного. Например, стрельбы по окнам дома. Или пары зажигательных бомб.

Хорошие манеры остаются, но улыбка пропадает с лиц обоих Бельденов.

– Ну-ну, миссис Проктор, – укоризненно произносит патриарх преступного клана, целеустремленно размешивая кофе. – Если б я хотел смерти кого-нибудь из вас, вы точно уже были бы мертвы.

Я и на этот раз пропускаю мимо ушей ненавистное «миссис».

– В прошлом году вы сунули в мой почтовый ящик гремучую змею! – Я так зла, что не могу больше держаться в рамках, и мне не стыдно за это. – Она могла укусить кого-нибудь из моих детей!

– А-а-а, это просто полосатый гремучник, и его перед этим выдоили. Меня не меньше дюжины раз кусали такие твари, ничего страшного. В больнице полным-полно противоядия.

– И вообще, это была не наша идея, – вступает в разговор его жена. – Это додумался наш милый Джесс. У него вообще со здравым смыслом не очень. Мы просто сказали ему отправить вам предупреждение.

– Предупреждение о чем?

Они обмениваются долгими взглядами.

– Я так и знал, что горожане ни черта не понимают, но это же ясно, как день, – отвечает Джаспер и отчетливо выговаривает следующее слово: – Уезжайте. Мы хотим, чтобы вы убрались из нашего округа ко всем чертям, будьте так добры. А если и получится, то из нашего штата. Мы хотим, чтобы никого из вас тут не было.

– Ничего личного, – коротко вставляет Лила. – Но вы мутите воду в нашем пруду, и, хуже того, из-за вас тут постоянно шныряют репортеры. Люди любят, когда о них говорят по телевизору и в газетах, поэтому рассказывают о том, о чем лучше помолчать. Если ваше семейство съедет куда-нибудь, тут все устаканится.

– Плохие статьи в прессе? – переспрашиваю я, и они кивают. – Вы думаете, что я привлекаю к вам негативное внимание прессы? – Мне приходится сдерживать безумный смех. – Наркоторговцы меня не одобряют?

– Это не было доказано в суде, – оскорбленно возражает Джаспер, – и вы не имеете права распускать лживые слухи. Но даже если мы иногда снабжаем людей тем, что им нужно, мы просто оказываем им услугу. Мы не виноваты, что все эти люди подсели на хитрые болеутоляющие, а потом лишились их и стали сходить с ума. Виноваты богатые доктора и фармакомпании. И кроме того, это уж никак не сравнить с тем, что сделали вы.

– Я не сделала…

– Детка. – Лила подается вперед. – Ты была женой того человека. Так вот, я замужем за своим стариком почти всю свою жизнь – и знаю все, что он делает. В чем бы ты ни убедила суд, я знаю, что ты знала. Может быть, ты и не помогала ему убивать тех девушек, а может быть, и помогала, не мне судить. Но не пытайся впарить мне эту чепуху.

Абсурдность всего этого лишает меня дара речи, и я лишь с трудом удерживаюсь от нервного смеха. Эти люди – вожаки преступной банды, самой худшей в этом округе, если не сказать больше, – и они считают, будто я настолько ужасна, что не могу жить с ними по соседству… Нет никакого смысла говорить им, что я не знала о преступлениях Мэлвина. У Лилы Бельден нет ни капли сочувствия или понимания по отношению к той, кем я была: к молодой женщине, боящейся внешнего мира и прячущейся за собственный страх. Мэлвин отлично умел скрывать свои тайны. И о чем бы я ни догадалась – даже если смогла бы это сделать, – то проигнорировала бы эти знаки, потому что так диктовал мне страх.

– Хорошо, – говорю я им, и на моих губах возникает фальшивая улыбка. – Давайте на минуту рассмотрим это предположение. Что, если я действительно знала об этом? Это означает, что я не останавливаюсь ни перед чем. Вы и

вправду хотите затеять вражду со мной? Вы же мать, Лила. Как далеко вы способны зайти ради защиты своих детей?

– До самого ада, – отвечает она. – Но мы обе знаем, что лучший способ выиграть войну – не доводить до нее. Поэтому вы и должны уехать. Так ты сможешь защитить своих детей – убравшись с нашей территории.

– Я подумаю об этом, – говорю. – По правде сказать, Стиллхауз-Лейк – не самое хорошее место. Но не заблуждайтесь. Если мы уедем, то лишь потому, что хотим уехать. А не потому, что вы нас прогоняете.

– А это так важно? – интересуется Джаспер. – Итог-то все равно один.

– Это важно, – заявляю я, спокойно встретив его взгляд. – Вы знаете, что это важно.

Он кивает.

– Так когда же вы уедете, миссис Проктор?

– Не знаю. Через несколько месяцев. Сначала нам нужно найти новое место и продать этот дом…

– Так не пойдет, – прерывает меня Лила. – Нам нужно, чтобы вы уехали в течение месяца.

Я качаю головой.

– Этого не будет, миссис Бельден. Мы уедем на своих условиях. Если вообще решим уехать.

Джаспер обводит взглядом гостиную – жилье, которое мы так тщательно отремонтировали и украсили, сделав своим домом, – медленно кивает и делает длинный глоток кофе, потом со вздохом ставит чашку на стол.

– Хороший крепкий кофе, – говорит он. – И я надеялся, что ваш здравый смысл так же хорош и крепок. Но это оказалось не так, и тут ничего не поделать. Вы

еще научитесь. А когда научитесь, вспомните: мы пытались быть вам добрыми соседями.

Лила кивает.

– Думаю, вам понравится мой рулет. Когда соберетесь отдать блюдо обратно, просто привезите его нам домой. Если нет, мы за ним вернемся.

Я понимаю, что это означает. Так или иначе, добром это не кончится.

Нет больше смысла притворяться вежливой.

Я иду в кухню, достаю мешок для мусора и вытряхиваю в него рулет. Потом включаю горячую воду, беру мыло и отмываю ее блюдо до сияющей чистоты. Вытираю его посудным полотенцем и иду обратно, чтобы отдать блюдо хозяйке.

– Ты хамка, – говорит она, принимая его. – Но все же спасибо тебе: это мое фамильное блюдо.

– А теперь вы можете уходить. Оба. Прочь. – Теперь я позволяю им увидеть это: сталь, лед и ярость, которые позволили мне пережить последние несколько лет. Боль, страх и непреходящее стремление защитить моих детей.

Бельдены моргают.

– Что ж, – произносит Лила, приподнимая брови. – Можете заезжать к нам в любое время, мисс Проктор. И прихватите с собой своего мужчину. Один из наших сыновей должен ему сломанную скулу и несколько выбитых зубов – еще с прошлого года. Он хочет расплатиться.

– Вам пора уходить, – говорю я. – Сейчас же.

Она направляется к своему пикапу. Джаспер следует за ней, бросив на меня еще один взгляд, лишенный всякого выражения, и я закрываю за ними дверь и запираю ее. Я стою у окна, держа руку на рукояти пистолета, пока их машина не заводится и не отъезжает задним ходом вниз по дорожке, в облаке гравия и пыли.

– Мама?

Ланни выходит в гостиную, сжимая в руке ключи от внедорожника; вид у нее напряженный и встревоженный.

– Всё в порядке, – отвечаю я ей, обвивая ее плечи рукой. Потом обнимаю ее уже обеими руками. – У нас всё будет в порядке.

Но на самом деле я в это не верю.

Судя по тому, как напряжены ее плечи, Ланни не верит тоже.

* * *

Сэм возвращается домой поздно, совершенно измотанный. На ужин запеченная курица с кукурузными лепешками, что устраивает всех. Мясной рулет Бельденов лежит в пластиковом мешке на кухне. Я подумываю проверить, нет ли в рулете крысиной отравы.

Сэм весь грязный и потный. Руки у него загрубели от работы, и мне больно это видеть. Он делает это ради нас. Сэм любит заниматься строительством, но сейчас это его работа, а не хобби. Он пилот. Он должен летать. Но он не летает – из-за того, что… из-за того, что он предан нам, по крайней мере, сейчас. Я не просила его поступать так. Просто такова его натура: настоящий, надежный, волевой мужчина, готовый жертвовать многим ради людей, которых он любит. Он не хочет оставлять нас здесь одних; он знает, что положение у нас ненадежное.

Но нельзя жертвовать вечно. И это еще одна причина для меня уехать из Стиллхауз-Лейк.

Я иду следом за ним в спальню и молча помогаю ему снять грязную одежду. Пошевелив одним плечом, Сэм слегка стонет, и я разминаю ему мышцы.

– Спасибо, Гвен, – говорит он. – Извини, кажется, я что-то потянул.

– Странно, что этого не происходит каждый день, – отвечаю я ему. – Иди в душ, ужин будет готов через полчаса.

– О, через полчаса? – Он поднимает брови. У Сэма Кейда на удивление умное лицо, учитывая, сколько он пережил, повидал и на что способен. Он потрясающе умеет хранить тайны, даже от меня. Как и я, он постоянно упражняется в стрельбе, и хотя никогда не рассказывает мне о том, что сделал ради того, чтобы защитить меня и детей, я уверена: под этим молчанием тоже скрывается многое. Все это составляет интересный контраст с тем легким блеском, который сейчас играет в его глазах. – Значит, у нас уйма времени.

– Хм-м… – Я притворяюсь, будто раздумываю над этим, потом разуваюсь и расстегиваю свои джинсы. – Неплохо сказано.

Секс под душем, конечно же, великолепен, а льющаяся вода заглушает любые звуки, способные потревожить детей. Я люблю этого человека, и он любит меня, и хотя наши отношения, вероятно, никогда не будут идеальными, в такие моменты они чертовски близки к идеалу. Я обнимаю его, дрожа и тяжело дыша, а горячая вода струится по нашим телам, омывая нас. На миг в моей памяти неизменно вспыхивает та боль, которую Мэлвин когда-то причинял мне во время секса. Но Мэлвина больше нет. Все это позади. В настоящий момент все получается горячо и нежно, а Сэм – лучший любовник из всех возможных, и мне ужасно повезло.

Мы сплетаемся в объятиях и целуемся – прозрачная вода течет по нашим лицам, соединяя нас, – а потом неохотно отстраняемся друг от друга. Я выхожу из душа и вытираюсь полотенцем; мои волосы спутались в мокрую массу, но мне плевать. Пусть будет.

Я жду, пока он не выходит тоже, уже полуодетый, а потом говорю:

– Пока тебя не было, у нас тут были гости.

Лучше сказать ему, пока Ланни или Коннор не проболтаются.

– Вот как? – Он уже начинает натягивать через голову футболку, но останавливается и смотрит на выражение моего лица, дабы удостовериться в том, что он расслышал в моем тоне. – Кто?

– Джаспер и Лила Бельден. Извинялись за «случайный» выстрел их сына. – Я обозначаю кавычками в воздухе слово «случайный», и лицо Сэма мрачнеет. – Но на самом деле они приезжали, чтобы объявить нам войну.

– Войну? Почему? Что мы такого сделали? – Он сразу же вспоминает: – Ну, не считая того, что я набил морду их идиоту-сыну тогда, в тире. Но он этого заслуживал.

– Это не из-за тебя, это из-за меня, – поясняю я ему. – Это я – черная овца в здешнем благопристойном стаде. Репортеры, внимание со стороны копов, плюс все помнят тот документальный фильм, который начала снимать про меня Миранда Тайдуэлл. – Эти съемки свалились на нас словно гром среди ясного неба: попытка из чистой злобы превратить мою жизнь в ад. И это у Миранды отлично получалось, пока ее гибель не положила этому конец. – На самом деле, я могу понять, в чем их проблема. Трудно обстряпывать криминальные делишки втихую, когда всякий раз, как я ступаю за порог, кругом начинают кишеть газетчики и телевизионщики

Сэм заканчивает надевать футболку и сует ноги в лоферы на плоской подошве. По его прерывистым, поспешным движениям понятно, что он зол – но не на меня, надеюсь.

– И хватило же им наглости явиться сюда! Они что, думали тебя запугать?

– На самом деле я не знаю. Может быть, это был еще один предупредительный выстрел – на свой лад…

Я раздумываю, следует ли сейчас заговаривать о переезде. Я знаю, что должна это сделать, но сейчас это кажется мне неподходящей темой. Может быть, завтра. Я чувствую, что его беспокоит что-то еще, помимо потянутой мышцы.

– Настоящий предупредительный выстрел обошелся мне в двести баксов. Я бы сказал, что они уже достаточно ясно дали понять свои намерения.

– Извини, Сэм.

– Ты не виновата. – Он выпрямляется и целует меня – легонько и нежно. – У тебя волосы мокрые.

– Если ты не перестанешь, этим не ограничится.

– Гвен…

Я целую его в уголок губ.

– Ужин, – напоминаю ему. – А потом мы прикинем, что нам делать дальше.

* * *

Прежде чем я успеваю поднять эту тему за ужином, Ланни уже влезает с вопросом:

– Слушай, мам, кто были эти люди? Ну, эти старики?

Сэм смотрит на меня, я смотрю на него. Он пожимает плечами. И он, конечно же, прав: я больше не могу защитить своих детей, скрывая от них информацию.

– Помнишь тех типов, которые, видимо, подсунули к нам в почтовый ящик гремучую змею? – спрашиваю я у Ланни.

– Ой, блин, – говорит она. Я строго смотрю на нее. – Ну, черт. Неважно. Это местная деревенская мафия?

– Они хотят, чтобы мы уехали из Стиллхауз-Лейк.

– Почему? – спрашивает Коннор.

Я вспоминаю слова Лилы Бельден. «Ничего личного». Но это было личное, глубоко личное. И это есть и всегда будет личным, пока речь идет о моих детях.

– По той же причине, по которой нас не любят в Нортоне. Мы привлекаем слишком много внимания.

– Мама… – Мой сын снимает темные очки, и при виде синяков у него под глазами я вздрагиваю. По крайней мере, опухоль уже несколько спала. – Может быть, это еще из-за того, что сделал я. Хэнку Чартерхаусу действительно сильно прилетело от меня.

– Кто такой Хэнк Чартерхаус? – спрашивает Сэм.

– Один из тех ребят, которых побил Коннор. И близкий родственник Бельденов, – отвечает Ланни. – Я имею в виду, все в школе знают, почему Хэнку все сходит с рук.

Мысль о том, что эти люди могут иметь зуб и на Коннора тоже, тревожит меня и заставляет ощетиниться еще больше. «Не смейте трогать моих детей!»

Мэлвин Ройял пытался прийти за моими детьми. И теперь Мэлвин Ройял гниет в картонном гробу в безымянной могиле, отмеченной только номером. И это сделала я.

Бельдены должны получить урок.

Съев несколько кусочков курицы, я говорю:

– Итак, вот что мы будем делать. Поскольку вы оба теперь записаны в Виртуальную академию, вы можете учиться откуда угодно, верно?

– Да? – Ланни, похоже, не знает, нравится ли ей то, к чему это ведет. – Ну, мам, мы делаем домашние задания, можешь проверить.

– Уже проверила, спасибо. Но мне нужно задать вам всем серьезный вопрос. – Все внимательно смотрят на меня, и на секунду я начинаю сомневаться в себе. Может быть, мне не следовало затевать это. Может быть, я поступаю абсолютно неправильно, снова пытаясь убежать. Но я должна поставить этот вопрос. – Что вы думаете о том, чтобы не вступать в эту войну с Бельденами?

Сэм медленно откидывается на спинку стула.

– Ты говоришь о переезде.

– Ну да. Мне кажется, это будет правильно. – Я делаю глубокий вдох, чтобы осмыслить сказанное. – Слушай, у нас нет причин воевать с ними. Мы не выиграем ничего, помимо того, что останемся в поселении, где нас едва-едва терпят, в доме, адрес которого теперь внесен на форумы и сайты по всему Интернету – а значит, еще больше народа будет угрожать нам и всячески нас доставать. Сэм, я знаю, что тебе стало труднее искать работу после… после всей этой заварухи с документальным фильмом. Мне жаль. Я думала, что, если мы станем частью здешнего общества, это будет к лучшему, но… это общество нас не принимает. И я знаю, как это больно.

Коннор не говорит ничего, просто смотрит в свою тарелку. Ланни возражает:

– Ну, здесь есть и хорошие люди. Кец и Хавьер, даже детектив Престер. И кое-кто из учителей даже не настолько ужасен.

Она пытается быть честной, но я знаю, что для нее это тоже нелегко. Друзья, которыми она обзавелась год назад, перестали быть ее друзьями. Мне не нравится, что мои дети чувствуют себя такими… одинокими.

Сэм никак не выдает своего отношения к вопросу. Он сидит тихо, и это значит, что он пытается сейчас не отягощать разговор излишними эмоциями – впрочем, сейчас это скорее не разговор, а монолог. Мне нужно, чтобы Сэм что-нибудь сказал, но он молчит, и я вынуждена продолжать.

– Я могу узнать в городе насчет продажи дома, – говорю я ему. – Это не значит, что мы прямо сейчас вывесим объявление, просто… прикинем варианты. Черт, да мы можем просто сдать этот дом в аренду, как делают другие местные жители. – Ответом мне служит лишь неспешный кивок. И я продолжаю говорить: – Мне нужно расспросить отца пропавшего парня – в Луизиане, узнать, были ли там у жертвы друзья, и всё такое прочее. Понадобится побегать, чтобы со всеми поговорить. – Я делаю паузу и смотрю на детей. – Я могу взять вас с собой, если – и это важное «если» – вы пообещаете мне отнестись к этому серьезно. Я могу оставлять вас в отеле, пока бегаю по делам, и вы в это время можете делать домашнее задание. И…

– Я тоже могу поехать, – говорит Сэм.

Я не ожидаю этого и не понимаю, как к этому относиться. Я медлю, потому что не знаю, что у него на уме.

– А разве тебе не нужно на работу?

– Да, но, похоже, мои услуги этому работодателю больше не требуются.

Я застываю в потрясении.

– Почему?

– Можно лишь догадываться: Бельдены заявили, что не хотят, чтобы я работал где-либо в этом округе.

Я чувствую приступ искренней, убийственной ярости по отношению к тем, из-за кого в его взгляде появилась эта горькая беспомощность. Однако несколько секунд спустя эта беспомощность исчезает, и Сэм снова улыбается.

– Но есть и хорошая сторона – так я потрачу меньше бензина. Плохая сторона… не знаю, что я буду делать теперь. – Голос его ровен, взгляд спокоен. Какой бы гнев ни кипел у него внутри, Сэм не выпускает его наружу.

– Черт, мне очень жаль. Это всё… – Я беспомощно машу рукой на весь мир. На себя саму. На всю ситуацию, родившуюся из прошлого, с которым я не могу ничего поделать и от которого, возможно, никогда не отделаюсь. Шрамы, раны, броня и боль.

Я злюсь за Сэма. И немного злюсь на него, честно говоря, потому что он ничего не рассказал мне об этом раньше. Но, вероятно, именно поэтому Сэм и вел себя так уклончиво. Он хотел, чтобы я привела другие причины для переезда отсюда, не связанные с ним.

Я стараюсь говорить небрежно, с легкой улыбкой:

– В таком случае не вижу причин, почему бы тебе не присоединиться к нам в этой невероятной поездке в Луизиану.

Честно говоря, сказав это, я понимаю, какой камень упал у меня с души. Я даже не подозревала об этом «камне» – до меня только сейчас дошло, что это расследование ведет меня обратно в то место, куда я ни за что не хотела возвращаться.

Обратно в «страну байу [6 - Байу – река, рукав, старица или иной вялотекущий водоем в дельте или в аллювиальной долине реки. Понятие характерно для штатов Миссисипи и Луизиана.]». В душный зеленый ад, где я столкнулась со своим бывшим мужем и со своими личными кошмарами. «Нет, ничего подобного, – строго одергиваю я себя. – На этот раз я отправляюсь туда, чтобы помочь другому человеку. Всё под контролем».

Однако мое сердце все равно бьется учащенно, мышцы напрягаются. Я предприняла немало усилий, чтобы одолеть травму, полученную мной в ту ночь, когда я была вынуждена убить Мэлвина. Однако это не значит, что я с ней окончательно справилась. «Мне нужно позвонить своему психотерапевту», – думаю я. Вероятно, это правильное побуждение; я уже записала Коннора на сеанс на следующей неделе. И мне нужно позаботиться и о своем душевном здоровье. Учитывая давящую угрозу со стороны Бельденов и эту неприятную поездку… я чувствую, что у меня начинает ехать крыша.

И мне кажется, Сэм понимает это, потому что переспрашивает:

– В Луизиану? А куда именно?..

– Не туда, – отвечаю я ему, и он отлично понимает, что я имею в виду. – Но, понимаешь… в тот же штат. И в похожий регион. Поэтому я… буду благодарна тебе за компанию.

– А после этого?

Я делаю глубокий вдох.

– Дети, что вы думаете на этот счет?

Они молчат, переглядываются, потом Коннор медленно поднимает руку.

– Я голосую за переезд.

– Куда?

– Куда угодно, лишь бы отсюда.

«Очень определенно». Я останавливаю взгляд на Ланни, которая сидит, скрестив руки на груди.

– Конечно, – говорит она. – Думаю, да. Все равно у нас здесь нормальной жизни не будет, как видно. Но только больше никаких маленьких поселений, ладно? Надо найти какое-нибудь интересное место. Может быть, то, где есть больше двух забегаловок.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Здесь и далее: предшествующие события жизни Гвен Проктор и ее семьи описаны в романах Р. Кейн «Мертвое озеро», «Темный ручей» и «Волчья река».

2

Сквиртл – имя одного из покемонов, существ из серии игр, манги и аниме «Покемон», принадлежащей компаниям Nintendo и Game Freak.

3

Здесь и далее: события в Вулфхантере описаны в романе Р. Кейн «Волчья река».

4

По Фаренгейту. По Цельсию это около 20? тепла.

5

Каджуны – своеобразная по культуре и происхождению субэтническая группа, представленная преимущественно в южной части штата Луизиана, а также в прилегающих округах Южного Техаса и Миссисипи. По происхождению каджуны – одна из групп франкоканадцев, а точнее, акадийцев, депортированных британцами из Акадии в 1755–1763 гг.

6

Байу – река, рукав, старица или иной вялотекущий водоем в дельте или в аллювиальной долине реки. Понятие характерно для штатов Миссисипи и Луизиана.

Купить: https://tellnovel.com/ru/keyn_reychel/gor-kiy-vodopad

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить